

АННА БАБЯШКИНА

РОМАН

И это взойдёт

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: Самиздат

«Книга – глоток свежего воздуха
и надежды. Невероятно пронзительный
текст. До дрожи!»

*Анастасия Ханина,
главный редактор ReadRate*

16+

Анна Бабяшкина

И это взойдёт

«Автор»

2018

Бабяшкина А. В.

И это взойдёт / А. В. Бабяшкина — «Автор», 2018

«Вы должны устроить здесь рай, который не захочется покидать. Если справитесь, то сами пожелаете тут остаться, а до тех пор считайте, что работа не выполнена и уйти вам нельзя», – слышит ландшафтный дизайнер, приехавшая переустраивать загородную усадьбу, от своего влиятельного работодателя. Оказавшись в ловушке, героиня вынуждена делать выбор – смириться с участью жертвы, бессильной и беспомощной, или бороться до последнего. А может... полюбить и принять все происходящее и поверить, что рай вокруг себя мы создаем сами? Это история о любви и травме, стокгольмском синдроме и его преодолении, о тайнах природы и загадках человеческой души, об изоляции и инновациях, а также о том, каковы настоящая свобода и истинная сила. Анна Бабяшкина – автор книг «Пусто: Пусто», «Разница во времени», «Мне тебя надо», «Прежде чем сдохнуть». Лауреат премии «Дебют», входила в лонг-лист премии им. Белкина и премии «Нацбест». Переводчик на русский язык романа «Разговоры с друзьями» Салли Руни.

© Бабяшкина А. В., 2018

© Автор, 2018

Анна Бабяшкина

И это взойдет

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.

•

Книга Екклесиаста

Есть странная привязанность к земле,
нелюбящей; быть может, обреченной.

•

Ольга Седакова

Часть

I

. 2014. ПЕРВАЯ ВЕСНА

Флора. Партизанинг

Это был тот самый день, когда ветер судьбы окреп и для многих «все сошлось».

В комнату сквозь тюль струился веселый узорчатый свет. За окном – молодое апрельское небо. Я перемешивала в огромной миске семена многолетников. Крупинки сухо шуршали, задевая друг друга. Молодые туи зеленели в контейнерах на балконе, готовясь к вечернему переселению.

Компьютер негромко тренькнул, но я услышала его сквозь рассыпчатый шорох семян. К этому звуку мое ухо особенно чутко, я могу расслышать его всегда, даже в невероятном шуме, хоть посреди концерта группы Stomp: это был сигнал о новом комментарии, оставленном к моему посту на Facebook. Я тут же бросила миску и побежала к ожившему ноутбуку. Так и есть! Еще один человек прокомментировал альбом с фотографиями сада, которым я занималась в прошлом году. И неважно, что за кадром остались засохшие из-за обрубленных корней елочки, ставшие к весне ржаво-красными. Зато как роскошно у меня получилась божья коровка, семящая по изогнутой травинке к капельке росы! Ну да, обшитые гранитной плиткой грядки «декоративного огорода» в реальности походили на сельский погост. Но я все-таки нашла тот единственный ракурс для фотографии, при котором этот уголок выглядел как царство изобилия. Ну да, дизайн-проект неоригинален. Зато оцените, как прекрасен на макросъемке осенний лист, застрявший в паутине. А клумба с колокольчиками – разве это не шедевр? Яркие босоножки и соломенная шляпка, забытые на пышном зеленом газоне, – мой любимый кадр. И вообще, если судить по этому фотоальбому, лучшего сада никто никогда не создавал, и все мои 657 лайков и 74 репоста вполне заслуженны.

Я не дугая интернет-знаменитость, как можно подумать, не мелюзга, а довольно популярная личность и широко известный внутри МКАД и даже в Ближнем Замкадье ландшафтный дизайнер. Люди знают меня под ником Беспечная Садовница. В своем блоге я публикую фото цветов, деревьев, букашек и красивых садов. Благодаря этому блогу я не только получаю свои «пятнадцать минут славы», но и нахожу заказчиков, которые приглашают меня обустроить их участки. Так что это рабочий инструмент. Создать миф о себе среди публики сегодня, пожалуй, даже важнее, чем создать самого себя. И ради поддержания мифа Беспечной Садовницы этой ночью мне придется немножко потрудиться.

Погас закат, чернильная высота покрылась светящейся пылью. Улица стихла. Лишь редкие машины проносились мимо с жужжанием тяжелых уставших шмелей.

Я впрыгнула в ярко-красные резиновые сапоги, подхватила пакет с семенами, коробки со своими зелеными сокровищами и отправилась на «место преступления».

Весна выдалась ранняя, и днем солнце припекало, но сейчас, с наступлением ночи, улица встретила меня легким холодком. Лопата, грабли, совок, резиновые перчатки, огромные бутылки с водой, какие в офисах громоздят на кулеры, – все уже лежало в просторном заднем отсеке моего пикапа. В путь!

«Место преступления» я присмотрела еще осенью. В окраинном районе, на границе гаражного кооператива. Развязка кругового движения в центре была прикрыта грубой лепешкой асфальта. А посреди серой нашлепки – тщедушный клочок незакрытой земли. Каждый раз, проезжая мимо залысинки, я думала о том, сколько людей ежедневно упираются взглядом в это печальное зрелище. Зимой пятачок припорошило снегом. В новогодние праздники здесь воткнули пластмассовую уродину, которая задумывалась как елка. Но снег наконец сошел, земля размякла от тепла и поплыла растопленной снежной влагой. Пришло мое время.

Я включила аварийку и припарковалась прямо на внутренней стороне круговой развязки. Привычными движениями выгрузила из машины рассаду, инструменты, воду. Щелчок – и у меня на лбу загорелся пришитый к шапочке фонарик, как у шахтера.

Лопата жадно врзалась в разбухшую, плотную землю. Тяжелые комья переворачивались и падали, разваливаясь, как свежая халва. В темноте белели лунно-молочные корешки сорняков. Лопата снова и снова ныряла в сырую почву, поддевала ее, выворачивала, разбивала комья. Ритм захватывал. Но я не позволяла себе отдаться ему полностью, чутко прислушиваясь к приглушенным звукам ночного города и краем глаза поглядывая вокруг. На соседней улице появились два светящихся электрических глаза. Пришлось отложить лопату и выключить фонарик, став почти невидимой для водителя. Мотор пробасил мимо, обдав меня коротким, крепким и ледяным порывом ветра. Поежилась.

Наконец пустырь был вскопан и причесан граблями. От земли шел легкий пар, он струился в свете фонаря как дым костра. «С новосельем, ребята!» – поздравила я туи, устраивая их в удобные ямки по центру клумбы. Вокруг них посеяла не боящиеся заморозков куколь, смолку, дельфиниумы и чернушку.

Вот и все. «Миссия» завершена.

Небо приобрело театрально-фиолетовый оттенок. Рассвет уже забрезжил, и воздух наполнился теми туманными образами, из которых ткут утренние сны.

Я быстро погрузила в машину нехитрый скарб садовницы-партизанки и занялась самым простым, но важным делом: сделала снимки на мобильный телефон. И тут же отправила их в Facebook, отметив точный адрес украшенной развязки. Да, я тщеславна. Еще мне нравится, что мой пример вдохновляет других. В начале «партизанщины» френды просто наблюдали за мной – как за городской сумасшедшей, которая за чем-то за свой счет превращает пожухшие проплешины в цветущие островки. А потом многие стали поступать так же. В блоге я не писала больше ни о чем – ни о заказчиках, ни о личной жизни, ни о погоде, ни о политике. Только трава-мурава, чтобы всем было понятно: я настоящая фанатка, и мало кто в этом городе так любит зелень, как я. Мне хотелось, чтобы, сказав «садовница» или «ландшафтный дизайнер», люди тут же вспоминали именно меня.

Забравшись в машину, я открутила шапочку термоса, и горьковато-трезвый аромат кофе заполнил салон. Уезжать не торопилась, хотя и знала, что формально нарушаю закон: с точки зрения муниципальных озеленителей я вторгаюсь на их территорию, «разрушаю и уничтожаю» городской ландшафт. Но я никогда не трогала хоть сколько-нибудь обихоженные участки земли. Даже если их озеленили чудовищно бездарно – как рядом с соседней школой, где на

днях в глинистые лужи повтыкали сосновые саженцы, умудрившись при этом отчекрыжить им макушки. Ну да, накосячили ребята – с кем не бывает?

Я приезжала только к тем лоскуткам земли, до которых другим не было дела. Видимо, поэтому у меня до сих пор не возникало серьезных проблем с полицией. Лишь прогоняли пару раз с уже вскопанных и удобренных газонов, но мне легко удавалось завершить начатое следующей ночью.

Деликатный стук в окно показался громким, как разрыв петарды. Я подпрыгнула от испуга, горячий кофе хлынул на брюки, обжигая бедра. В салон заглядывал молодой гладко выбритый мужчина. Он помахал красной корочкой, но я даже не успела прочитать, что в ней написано.

«Проследуйте», – кажется, это единственное, что я расслышала из его слов. Впрочем, и без них все было понятно: попалась.

Я не очень удивилась и совсем не встревожилась. В конце концов, все самое страшное в моей жизни уже случилось прежде, и теперь меня довольно сложно заставить нервничать. К тому же это приключение может стать хитом среди читателей моего блога. Даже классно, что мне помогают создавать миф о себе!

Я снисходительно кивнула и повернула ключ зажигания.

«Нет, вы поедете на моей машине», – вполне дружелюбно и интеллигентно распорядился представитель закона.

Поленов. Лекция

«Зерно знает, в какое дерево оно вырастет. И яйцо знает, какая птица из него вылупится. Всё в природе знает свое предназначение – кроме человека, который сидит и думает: кто я? Дубок? Пшеничка? Про что я? Какое у меня место в жизни?» – невыспавшийся одутловатый мужчина вещал с экрана компьютера. Лицо его выглядело помятым из-за несимметричных бровей: одна улетала к середине лба, вторая же нависала над глазом так, словно в веко его ужалила оса. Говорил он густым уверенным голосом, весьма артистично, но двое зрителей, которые наблюдали за его выступлением через монитор, явно не подпали под харизму спикера. Один из них – чуть за пятьдесят, в спортивном костюме, с приглаженными песочно-седыми волосами, потирал подбородок и покусывал верхнюю губу отличными фарфоровыми зубами. Периодически он зажмуривался и слегка встряхивал головой, будто пытаясь вытрясти из нее слова, которые только что залетели к нему в уши. Он-то и был здесь главным. Сторонний наблюдатель догадался бы об этом: монитор был повернут именно к этому зрителю, в то время как второй чаще заглядывал в лицо своего босса, чем в экран – спешил считать мнение начальника.

Второй был лет на десять моложе. Солидный кожаный портфель он держал у груди будто щит, а ноги прятал под кресло, словно боялся наоставлять следов в чужом кабинете. Кабинет был домашним – прикорнувшая под столом лохматая собака, неформальные фотографии на стенах, зеленая лужайка за окном.

Камера на экране компьютера взяла более общий план и показала, что рассказчик, вещающий про дубки и пшеничку, говорил не с пустотой – он стоял на сцене. А из зала за ним наблюдали человек пятьсот – преимущественно молодых мужчин, большинство в очках. Лекция проходила в просторном зале со стеклянными стенами, за которыми раскинулось поле, где сновали экскаваторы и грузовики. Борис Максимович Поленов (а седым мужчиной, хозяином кабинета, был именно он) нажал на паузу и внимательно всмотрелся в лица слушателей. На них читались те же чувства, что и на лице Поленова: недоумение, разочарование и даже раздражение.

– И что, Виталик, всех резидентов согнали слушать это позорище? – недовольно спросил Борис Максимович.

– Всех, кого смогли, – уклончиво ответил его собеседник. – Так что? В Сеть выкладывать? Пресс-релиз выпускать?

– Ни в коем случае. Сливаем эту историю по-тихому. Желательно, чтобы журналисты о ней вообще не узнали. Кто-нибудь еще там снимал?

– Нет, только наша камера, эксклюзив. Лекция-то... гм... недешевая, – пресс-секретарь закашлялся, пытаясь остановить какие-то еще слова, рвавшиеся изо рта. – Мы сказали, что все права принадлежат Технопарку и все такое. Если кто будет снимать – выведем из зала.

– Это грамотно, – кивнул Поленов. – Сколько еще осталось этой галиматши?

– По контракту он должен прочитать десять лекций за семьсот тысяч долларов, – поерзал Виталик. – Это первая.

– На остальные народ можно сгонять не так старательно. И скажите этому клоуну – культурно, конечно, но так, чтобы понял, – пусть нигде не упоминает ни сумму гонорара, ни о чем он у нас вещал.

– Будет сделано.

Помощник встал с кресла.

– Я, может, не в свое дело лезу, – внезапно осмелел Виталик. – Но зачем? Зачем мы перекачиваем государственные деньги в карман этого прощельги, который – есть такие сведения – финансирует оппозицию?

Поленов вздохнул и указал глазами на потолок – мол, причину надо искать там, выше.

– Было такое пожелание от человека, которому нельзя отказать. Значит, в этом есть смысл. Мол, мы все такие прогрессивные, не авторитарные, вот и оппозиция у нас есть, и мы с ней даже конструктивно взаимодействуем. Типа так мы Западу будем больше нравиться. Дорисовываем себе европейскость, – Поленов немного помолчал. – Но ты, Виталик, не думай о том, о чем тебя не просят. Думалка устанет.

– Да я просто этого Ваню давно знаю, еще в девяностые у него пресс-секретарем работал, – сбивчиво заговорил тот. – Знаете, как он «сделал» эту свою первую IT-компанию с капитализацией якобы в сто миллионов долларов?

Поленов коротко кивнул – мол, ну, рассказывай.

– У него был офис – задрипанная комнатенка в загибающемся НИИ, на двери – пластиковый файл с надписью «Компания “Аррива-Интернет”», а в ней – пять человек сотрудников, включая меня. Компьютеры завозили из США. Однажды Ваня меня вызывает: «Пиши пресс-релиз – «пятнадцать процентов акций “Аррива Интернет” выкуплены менеджментом компании за полтора миллиона долларов, таким образом капитализация компании составила десять миллионов долларов». Потом почесал бороденку и говорит: «Не, десять миллионов мало. Пиши: “выкупили пятнадцать процентов за пятнадцать миллионов долларов, капитализация составила сто миллионов”». Так и написали, в газетки разослали. И все! Компания возглавила рейтинг газеты «Коммерсантъ» в разделе IT, а Ванюша сделался крупным специалистом по IT-консалтингу.

– Так ведь деньги за продажу акций должны были все-таки прийти компании на счет? У него уже была пятнашка грина?

– В тот же день акции были выкуплены компанией у менеджмента обратно. Только пресс-релиз об этом не выпускали.

Поленов хмыкнул. История явно подняла ему настроение:

– Что же ты, узнав это ноу-хау, не снял соседнюю комнату и не выпустил пресс-релиз, что у тебя компания с капитализацией в двести миллионов?

Виталик застенчиво пожал плечами и лукаво улыбнулся:

– Наверное, потому что я – не проходимец. Писать без пробела.

– А может ты, Виталик, дубок? – расхохотался Поленов. – Иди уже, суббота все-таки. Привет семье.

Флора. Приглашение, от которого невозможно отказаться

Апрельским субботним утром мы летели по МКАДу. Машины стремились из города на дачи, но пробки еще не парализовали движение. За окном мелькали новостройки-«карандаши» и громоздкие развязки, подкрашенные розоватыми солнечными лучами. А мы все мчались в крайнем левом ряду. И тут я наконец насторожилась.

– Куда мы едем? – с подозрением спросила я. – В какое отделение полиции? И почему так далеко?

– Уже близко, сейчас все узнаете, – спокойно ответил парень. – Как говорится, вам понравится.

– Мне уже не нравится! – набычилась я.

– Потерпите, – загадочно усмехнулся он.

Я попыталась я его спровоцировать.

– Дикий у вас способ знакомиться с девушками!

Он недоуменно вскинул бровь, пробежав взглядом по моим заляпаным землей и облитым кофе джинсам и чумазым резиновым сапогам. «Конский хвост» на голове и болоньевая куртка его тоже не впечатлили. Взгляд парня задержался на моем лице – без косметики, с густыми размашистыми бровями. А что? Сама Кара Делевинь сейчас так носит! Однако не похоже, чтобы он был в восторге от моего «нейчер лук», подумала я. Но тут же догадалась, что дело, видимо, не в моем прикиде. А в том, что парню не больше двадцати пяти. И фривольные намеки девушки за тридцать скорее смахивают на распущенность. Все время забываю о том, что я уже не свеженькая нимфетка, а распутившийся бутон.

– Неужели вас с самого детства зовут Флорой? – аккуратно сменил он тему.

– Да, так в паспорте и написано: Флора Алексеевна Елисеева. Родители назвали. Они были те еще оригиналы, – ответила я, мысленно поблагодарив парня за деликатность.

– Имя вам подходит, – не слишком убедительно произнес он.

– А вас как зовут? – из вежливости поинтересовалась я.

– Николай, – ответил он и, кажется, ждал какой-то моей реакции. Но я просто кивнула. Что оригинального можно сказать про Николая?

Машина свернула с Рублево-Успенского шоссе на боковую дорогу с отменным асфальтом, и через пару минут мы приехали. Вошли в невысокое здание на окраине соснового участка, окруженного внушительным каменным забором, из которого, не маскируясь, высывались видеокamеры. Внутри домика было множество мужчин военной выправки. Стоял запах пота, одеколona и почему-то подгоревшего молока. У меня многократно спросили имя, хотя мой паспорт все это время лежал перед ними раскрытым. Все его страницы отсканировали. Биографию запротоколировали с такой тщательностью, будто собрались писать обо мне статью для энциклопедии (я, если что, не против!). Меня обыскали (весьма целомудренно) и забрали мобильник: «Извините, таков порядок. Получите обратно, когда будете выходить. Здесь запрещено ставить метки геолокации, фотографировать и пользоваться соцсетями. Но каждому не объяснишь, поэтому мы просто забираем телефоны при входе и возвращаем при выходе».

Я возмущенно фыркнула, но не особенно удивилась. Мне приходилось слышать, что из соображений безопасности в особо важных домах на входе отбирают мобильники, но сама я с таким столкнулась в первый раз. В довершение всего у меня взяли отпечатки пальцев, и наконец дверь в запретный сад открылась. Меня вывели на солнышко по другую сторону забора.

Мошная плиткой дорожка лежала ровно, как прочерченная по линейке. В конце нее за янтарными стволами сосен виднелся помпезный дом желто-сливочного оттенка, спроектированный в духе русской дворянской усадьбы. Фасад выглядел внушительно благодаря центральной полукруглой колоннаде. Колонны несли на себе протянувшийся во всю ширину мезонина балкон.

Прямо перед домом на свежераскатанном рулонном газоне стоял накрытый стол, окруженный тепловыми фонарями. Откинувшись на спинки плетеных кресел, за ним завтракали двое. Мужчина и женщина. Его я узнала сразу – это был Поленов, очень важный чиновник, самый-самый топ-уровень, связанный с инновациями. Рядом сидела его жена. В отличие от мужа она почти не мелькала в телевизоре, но тем не менее ее лицо мне было знакомо (пролистывать журнал Tatler иногда полезно). Меня вели прямо к ним по пружинящему, будто лакричный мармелад, газону. «Адъютант» (тот самый Николай) жестом предложил мне сесть в пустовавшее третье кресло. Потом коротко кивнул и отошел на почтительное расстояние. Повисла пауза.

Я с любопытством рассматривала хозяев. Чиновник и его жена выглядели уже остывшей друг к другу, но вполне сжившейся парой. Из тех, кто за столом садится так, чтобы случайно не встретиться взглядом и не соприкоснуться руками, бочком к супругу – так держатся люди на парных парадных портретах времен задастых платьев и бархатных камзолов. Но эта пара была все-таки попроще. Он – в спортивном костюме, с румянцем человека, только что сделавшего энергичную зарядку и приятно уставшего (я почувствовала что-то родное в этой физической истоме – меня окутывала такая же после ночных упражнений с лопатой). Она – старосветская скучающая барыня, кутается в рыхлую шаль с кистями. Того и гляди затянет какой-нибудь печальный романс про любовь, живущую «в сердце больном».

Ясно было, что она младше, но при этом казалось, что старше. В нем чувствовались драйв и харизма – от студента-хипстера его отличали разве что волосы с проседью – жесткие, постриженные «площадкой», и четко прорисованные складки на лбу.

Оценивающий, чуть насмешливый взгляд Поленова ничего не сообщал о происходящем. По лицу жены, напротив, за секунды пробежал вихрь эмоций. Изумление моментально сменилось раздраженной растерянностью и наконец немым вопросом, адресованным одновременно и мне, и мужу. Я чувствовала примерно то же, что и она, только без раздражения.

– Чай, кофе? – вполне буднично, безо всяких церемоний и приветствий предложил чиновник.

– Здравствуйте, Борис Максимович. И вы, Марина... – я не помнила ее отчества и замялась. – И вы, Марина, тоже здравствуйте.

– Так чай или кофе? – Борис Максимович сделал вид, что не заметил моей неловкости.

– Кофе, – согласилась я. Мой-то мне допить так и не дали.

К столу тут же подскочил официант, чтобы налить напиток из золоченого кофейника в столь же пафосную чашку, украшенную двуглавым орлом.

На столе млели пирожки, печенье, рыбная нарезка, тарталетки с красной икрой, фрукты. Дольки молодых огурчиков пахли весной, отпуском и свежестью. Хозяин дома пил зеленый чай, хозяйка – черный со сливками.

– Что происходит? – наконец заговорила жена.

– А это, Марина, та самая Беспечная Садовница, которую хлебом не корми – дай что-нибудь озеленить. Мы же ее выбрали, чтобы сад в порядок привести? Так вот, знакомься! Человек приехал и готов сотрудничать. Вы же готовы? – он на секунду переключился на меня. Я, хоть и не понимала, о чем речь, кивнула, едва не поперхнувшись кофе. – Ну вот, готова. Пожалуйста бриться, как говорят.

После этих слов Поленов заметно повеселел и даже прихлопнул в ладоши. Жена же его, напротив, внезапно помрачнела и обиженно прищурилась. Лицо ее было несколько обрюзгим, как у много плачущего или пьющего человека.

– Ах, садовница... – Марина с недоверием осмотрела меня от макушки до кончиков пальцев, сжимавших чашку. – Привез, значит, все-таки... – произнесла она с той тяжелой, нарочитой сдержанностью, которая обыкновенно служит у женщин прелюдией истерики. – Не прошло и года... Ну спасибо... – в ее голосе слышалась подавленная визгливая злость. – Только

я уже ничего не хочу! Ни-че-го и ни-ко-го! Ни сада твоего, ни садовницы, – она демонстративно отвернулась.

– Ну все, шлюс дес абендс! – чиновник сжал челюсти, брезгливо поморщился и с тоской оглянулся по сторонам. Впрочем, истерика жены его мало беспокоила. Скорее раздосадовала и вызвала желание отвлечься на что-нибудь поприятнее.

Будто услышав его беззвучную команду, к Поленову тут же подбежала колли, до этого дремавшая на ступенях дома. Она ткнулась носом в его ладонь и усердно замотала пушистым хвостом. «Вот какая я молодец, – говорила собака всем своим видом. – Умею радоваться и быть благодарной, в отличие от некоторых!» Хозяин потрепал ее за ухом.

– Значит так, – обратился чиновник ко мне. – Есть задача переустроить парк в этой резиденции, – он прочертил указательным пальцем пару кругов в воздухе, как будто крутил на нем мини-хулахуп. – Говорят, на вас можно положиться. Не знаю, что уж в вас такого особенного, но вам дали неофициальные, но хорошие рекомендации, – Поленов недоуменно пожал плечами, демонстрируя, что сам этого «особенного» во мне не обнаруживает. – Сделать надо достойно, представительно и... по-нашему, по-русски. Понимаете? По рабочим вопросам вы будете общаться непосредственно с Мариной. Она как раз очень хотела заняться чем-нибудь созидательным. Да, Марина?

– Перехотела! – парировала супруга. – Мне уже вообще ничего не надо! Это тебе нужно устраивать здесь приемы и это у тебя здесь «представительские функции». Можете идти! – внезапно обратилась она ко мне и, кажется, в первый раз посмотрела мне в глаза.

Борис Максимович слегка поморщился и снисходительно покачал головой, глядя на меня: мол, не обращайтесь внимания, скоро пройдет. Я поежилась, не зная, как правильнее себя повести. И уйти, и остаться при этой семейной разборке было одинаково неудобно. Градус истерики жены как-то совсем не совпадал с безучастной реакцией мужа.

– Марин, ну что ты делаешь? Как вводить в твой круг новых людей, если ты их так встречаешь? И после этого жалуешься, что тебе не с кем общаться, – с укоризной, но ровным голосом взялся поучать жену Борис Максимович. – Что человек будет думать о тебе, о нас? Что она, гм... расскажет, выйдя за ворота этого дома?

Тут я вскочила:

– Я пойду! Честное слово, я забуду все, как только выйду за ворота. Обещаю. До свидания, – на секунду замаялась, пытаюсь понять, по какой тропинке мне положено отступить с семейного пикника.

Внезапно Марина повернула ко мне опухшее лицо, как мопс, вдруг почувывший проплывающую мимо вкусняшку. Шмыгнула носом и вдруг демонически расхохоталась.

– Ты посмотри на нее, – указывала она на меня рукой, как будто приглашая мужа подивиться вместе с ней. – Она пошла! Ха-ха-ха. Она решила уйти! Она решила. Ха-ха-ха, – женщина так странно смеялась, что по моей спине скатилась холодная капля пота. – Вы остаетесь! Я сказала! – неожиданно властно отрезала хозяйка дома, вставая из-за стола и роняя шаль. – Я отойду, а вы, – она ткнула в меня пальцем, – дождетесь меня.

Марина направилась к широкой парадной лестнице особняка. Я растерянно опустилась на стул.

– Я могу отказаться? Или вам нельзя говорить нет? – осторожно поинтересовалась я.

– Почему же? – как будто искренне удивился Поленов. – Можете. Колхоз – дело добровольное. Очень даже можете отказаться. Но не захотите. Так ведь?

Кроны сосен танцевали в глубине акварельно-прозрачного неба. Шелест ветвей сплетался с гудением тепловых фонарей и далеким чив-чи-чью зябликов. Я обвела взглядом участок, пытаюсь представить, как он выглядит с высоты. Было легко догадаться, что это один из тех парков, где чаще решают вопросы, чем отдыхают. Интересно, кто работал тут раньше? Этот профан явно не слишком старался – парк, похоже, запущен. Даже газон – рулонная дешевка.

Но почему я? В стране десяток крупных ландшафтных фирм и еще полсотни звезд-индивидуалов. Все они были бы счастливы заполучить такой заказ. И вдруг он по причудливой игре случая может достаться мне. Странное везение. Можно ли упустить такой шанс?

– Ну да, не откажусь, – ответила я и рассмеялась собственной предсказуемостью.

Поленов, как фокусник, вытащил откуда-то из рукава бумагу и написал на ней цифру. Количество нулей в ней мне насто-о-о-олько понравилось, что я посчитала глупым торговаться и энергично кивнула. Подумала и еще разок кивнула. Протянула ему руку, чтобы он ее пожал, подтвердив, что я не галлюцинирую.

– Договор будет оформлен официально? – уточнила я.

– Обижаете! – игриво, по-свойски поморщился хозяин, и я совершенно возликовала, хотя и не поняла до конца, что именно означает эта фраза.

– Скажите, а для чего надо было обставлять нашу встречу вот так, как какую-то полицейскую операцию? Если бы вы написали мне сообщение в Facebook, я бы приехала в удобное вам время и место. Можно было просто пригласить.

Поленов с недоумением посмотрел на меня и пошевелил бровями, изображая фразу «о чем это вы говорите?».

– Ну зачем было хватать меня на улице, сажать в машину и тащить сюда в грязной одежде? Я бы и так приехала, – пояснила я.

Поленов изумленно рассмеялся и подманил жестом Николая.

– Вы зачем девушку испугали? – с насмешкой упрекнул он помощника.

– Да времени не было согласовывать и договариваться. Вы же только вчера поздно вечером сказали, что сегодня утром сможете встретиться. Ну вот я и организовал, как мог...

Тут уже я ошарашенно хмыкнула. Да уж, похоже, тут нельзя не исполнить приказ начальника.

Когда Марина вернулась, она выглядела собранной и деловитой. Даже принесла с собой геодезический план, хотя я еще не успела заикнуться о нем. Мы отправились осматривать участок.

– Вы такая, какой я вас себе и представляла, когда читала ваше досье, – произнесла она, внимательно меня рассматривая.

– Какая же? – полюбопытствовала я, польщенная тем, что эта высокопоставленная дама тратила время на фантазии обо мне, а перед этим кто-то тратил время, чтобы составить досье.

– Невзрачная дикарка.

Я, конечно, не рассчитывала, что тут со мною будут деликатничать, но надеялась на некоторый политес и дистанцию (все-таки уже не девятностые на дворе). К тому же крокодилком я себя не считала.

– Почему это вы решили, что я дикарка?

– Вы одиноки – не отрицайте! Иначе бы не копались по ночам в городских клумбах. Какой нормальный мужчина отпустит свою женщину из теплой супружеской постели? Это удел одиноких дурнушек. Все просто! – она испытующе взглянула на меня, ожидая подтверждения своим словам.

Я удержалась от «ответного комплимента» – все-таки Поленовы собирались неплохо мне заплатить.

– Вы разбираетесь в людях, – с сарказмом похвалила я.

– Приходится, – подтвердила она. – Знаете, сколько людей хотят «дружить» со мной, как кошки с мышкой? Каждый!

– Погодите, если я такая уж невзрачная, одинокая и, прямо скажем, не самая авторитетная ландшафтная дизайнерша в этой стране, то почему же сюда притащили именно меня? Выходит, все крутые ребята отказались?

Марина поморщилась:

– Вот кого мы совсем не хотим видеть рядом, так это мэтров, амбициозных умников и любимчиков журналистов. Хватит! С тех пор как мы с мужем занимаем заметное положение в обществе, всякий норовит к нам приобщиться. Каждый хочет что-нибудь эдакое на нас написать, очень авторское. Но вы-то, Флора, конечно, не станете и пытаться, верно? Вы же понимаете, что у вас... м-м-м... не тот масштаб?

– Для справки, я популярный блогер, известная «зеленая партизанка» и дорогой ландшафтный дизайнер.

– Ну конечно, разумеется, – Марина, посмеиваясь, приобняла меня за плечи и потащила вперед. – Простите, это моя ошибка. Я не должна так прямо говорить. Все время забываю, что люди не привыкли к честности. Ничего, постепенно мы с вами придем к правильному градусу искренности. Ведь правда?

– Давайте лучше о проекте, – я высвободила руку из ее цепкой клешни. – Что вы хотите сделать на участке?

Как и многие скучающие барыньки, Марина мечтала устроить «настоящий русский сад». Что-нибудь в духе Чехова, ранних фильмов Михалкова и усадеб из Бунина. Недоласканные и недолюбленные, эти дамочки с широкой душой и еще более широкими бедрами верят, что стоит им устроить вокруг дома темные аллеи и сиреневые облака, как они тут же окажутся героинями романтического сюжета: «Иду я такая вся в белом платье, с маленькой собачкой на атласном поводке, а из-за черемухи выходит он, сгорающий от страсти. Падает на колени, целует руки и умоляет, умоляет о... благосклонности». В руках у нашей героини непременно кружевной зонтик, им она и отбивается от поклонников...

В общем-то, беседа прошла как обычная первая встреча с заказчиком. Я даже слегка забыла, с кем имею дело. Объясняла порядок работы: надо будет взять пробы грунта, сделать анализы, эскиз, затем – 3D-визуализация, потом уже непосредственно работа на участке и так далее. Впрочем, ушли мы за время беседы недалеко. Просто пересекли просторный, как профессиональное футбольное поле, газон, немножко прошагали мощеной дорожкой через сосновый лесок и незаметно приблизились к пятерке небольших аккуратных домиков на краю участка – очевидно, для прислуги.

– Здесь вы и будете жить, – Марина указала на один из домиков. – Вот в этом, крайнем, он как раз свободен.

– Это ни к чему, – отмахнулась я. – Мне не нужно жить здесь, чтобы управлять проектом. Я буду приезжать, когда это необходимо.

– Мне нужно, чтобы вы жили здесь, – не то приказала, не то попросила хозяйка дома. – Я хочу участвовать в процессе от и до. Что там будет? Рисование? Я тоже буду рисовать. Исследовать землю, выбирать цветы, заказывать плитку для дорожек. И все остальное, что вы планируете делать, я тоже буду.

– Вам что, скучно? – спросила я, решив испытать, готова ли Марина к той откровенности, которую так страстно проповедовала полчаса назад.

– Очень, очень скучно, – без притворства согласилась она. – Мне в последние месяцы как-то... Впрочем, неважно.

Если честно, Марина показалась мне странной. Мысль про психиатра промелькнула в моей голове, но я быстро откинула эту тревожку. Думаю, так поступили бы и вы, если бы у вас на горизонте маячил очень выгодный заказ, тешащий тщеславие. «Мне ли обвинять человека в ненормальности? В конце концов, здесь же будет БМ, а ему доверяют и не такие люди. Мне тем более грех жалом водить», – рассудила я и ласково улыбнулась Марине, как больному ребенку.

Марина. Поворот колеса

Если бы я могла с ней поговорить, я бы все ей рассказала. И она бы все поняла.

Я сказала бы ей: я не та, прежняя Марина. И наверное, добавила бы: я лучше. Я новый человек. Я стараюсь полюбить его правильной любовью. Только мне трудно понять, как в моем

положении любить его правильно. И вообще любить... Я устала тонуть в потоке обмана, одиночества и вины.

Это он делает так, чтобы я все время чувствовала себя виноватой. Хотя, конечно, вся вина только на нем. Он считает, что все хорошее всегда от него, а все плохое – от других.

Вчера вечером я ужинала одна (как почти всегда) и смотрела на картину, которую Боре подарили подлизы с работы. В центре холста – рыцарь в доспехах. Свет падает так, что слева латы сияют, а правая половина тела проваливается в тень. На шлеме – горизонтальная щель. А в ней – глаза, один в один Борины. Он повесил эту картину в столовой. Уверяет, что она восемнадцатого века, старинная, изображен совсем другой человек и вообще он «не видит никакого сходства». А сам любуется ею и поглядывает в зеркало. Видно, что так он себя и воображает – рыцарем. благородным. Самоотверженным. А я вижу только металл и холод. Когда он заходит в дом, я сразу это чувствую – прямо от порога, даже если сижу в дальней комнате. Он приносит с собой какой-то всепроникающий, напряженный, гудящий звон, похожий на зудение высоковольтного провода. Дом мгновенно наливается свинцовой тяжестью, и становится страшно, что сейчас мы – вместе с Борей и особняком – уйдем под землю. Я сразу бегу из комнат в сад – в панике, как с тонущего корабля. А он думает, я его стесняюсь.

Но сейчас я чувствую: что-то изменится. Начнется какая-то новая жизнь, может даже счастье. Я слишком долго была печальна, замкнута, слезлива. Благоговела перед ним. Все ждала приглашения в яркую жизнь, а он оставлял меня на задворках. Устала ждать. Однажды утром, когда он собирался отплавать свою стометровку в бассейне, я решила. Спросила:

– Когда у меня будет все, что положено жене такого человека, как ты? Когда начнется моя настоящая жизнь?

Он засмеялся:

– Когда она начнется, ты сразу это заметишь.

Вода в бассейне застыла в таком спокойствии, что казалось, ее там вовсе нет.

– То есть начнется все-таки? – переспросила я, с трудом удерживаясь от искушения проверить ногой, есть ли на самом деле вода поверх мелкого бирюзового кафеля.

– Зависит от тебя, – сказал он с эдакой шутливой полуулыбкой, растянувшей только левую половину рта, снял халат и шагнул в голубую пустоту. Не проверяя ногой... В полной уверенности, что все там, где ему положено быть. Пустота тут же услужливо превратилась для него в полную голубую чашу, по ней побежали волны. Борис плыл сильно, красиво, будто для видеосъемки. «Какая-то картинка из кино. И это мой муж. Так странно», – подумала я и снова услышала этот вибрирующий электрический гул, будто между мной и Борисом протянут высоковольтный провод. Накинула халат на сухой купальник (не успела поплавать до его прихода, сама не поняла – как утекло время? Куда? Неужели я простояла час, вглядываясь в кафель на дне?) и ушла. Борис не любит, когда я хожу перед ним полуодетой. Хотя, кажется, тогда у меня еще была достойная фигура, и другие мужчины загляделись бы. (Сужу об этом чисто теоретически – я не появлялась в купальнике на людях уже вечность.) Но фигура у меня все-таки была... По крайней мере, я точно влезала в те два платья. В серебристое, блестящее и длинное, словно чешуя, в котором я была змея. И в бархатное черное, в котором я была пантера.

Хватит о прошлом. Надо про сегодня. И про завтра. И про послезавтра... Вчера было вчера. А сегодня – весна. Чувствую: тот момент, который «я замечу», – происходит сейчас. И Флора – первая ласточка перемен. Моя форточка открывается.

Вначале я, ошарашенная появлением Садовницы, повела себя как-то грубо, раздраженно, а потом екнуло: это оно! Мое время. Сейчас все будет зависеть от меня. Он смотрит на меня, это проверка. Колесо фортуны наконец повернется. И я собралась, включилась и дальше держалась уже нормально.

Смотрю на Флору с удивлением и надеждой. Удивлением от того, что вижу нового, незнакомого человека. Ее можно узнавать. У нее есть какие-то свои истории, которые она может

рассказать. Я на самом деле могу с ней разговаривать. И с надеждой смотрю, да. Я очень хочу, чтобы это место, эта усадьба, этот сад остались такими же, как сейчас. Я к ним привыкла. Мне нравятся эти запустение, заброшенность и тоска, которыми все тут дышит. Сейчас – трагично, правдиво, жизненно, по-настоящему. И при этом хочется, чтобы все стало иначе. Очнулось ото сна, зацвело, зажило в полную силу. Хочется сохранить все и при этом все кардинально изменить, чтобы ничто не напоминало о прежнем. Как это соединить? Не знаю. Пусть выкручивается Садовница.

Erop. From Russia with love

Аэропорт Вильнюса кажется построенным задолго до появления авиации. Можно представить, что когда-то это был загородный дворец латифундиста, а потом от здания оставили фасад, снесли внутри все перегородки и наваяли перекрытия из стекла и металла. Я успел заметить, что здесь не любят сносить что-либо до основания. Предпочитают оставить старую оболочку, видимость, а внутри все вычерпать и заполнить новым. Все вильнюсские коворкинги, технопарки, бизнес-центры, в которых мы с Вадимом побывали за эти дни, снаружи выглядят старинными особняками или советскими пионерлагерями. Внутри же они прятали все то, что привычно-обязательно наблюдать в «центрах развития инновационных технологий» – стеклянные перегородки, кресла-груши, много белых стен и стен, выкрашенных под грифельную доску, яркие диваны, пластиковые растения в добротных глиняных горшках, лаконичный дизайн. От этой двуличности литовской инновационной инфраструктуры создавалось ощущение, что все здесь как-то обманчиво, иллюзорно, понарошку. То ли дело наше «Школково» – разъезженное строительной техникой просторное поле посреди леса, на котором с нуля, из ничего возникли футуристичные стеклянные корпуса, огромные, голубовато-прозрачные, как айсберги. Каждое – детище именитого архитектора. Во всем чувствовались лобовая, решительная атака на будущее, масштаб, воля к прорыву, попытка перепрыгнуть из позавчера сразу в послезавтра – ловкий трюк, возможный лишь в виртуальной реальности. Только, казалось, компьютерная игра зависла прямо во время прыжка главного героя, и он так и остался висеть в воздухе, дрыгая ногами. Я ощущал себя таким персонажем, потому что компания Future Vision, в которой я значился руководителем и техническим директором, воспарив технологически, никак не хотела приземляться на ноги и превращаться в нормальную коммерческую фирму с оборотами, доходами и международными контрактами.

Вадим забрал со стойки регистрации оба посадочных – свой и мой, тщательно уложил вглубь портфеля из натуральной кожи.

«До бординга еще больше часа, пойдем потратим баблишко в дьюти-фри и выпьем», – предложил он.

Я поправил на плече то и дело соскальзывающий рюкзак и потащился за товарищем, мысленно сжавшись и приготовившись к испытанию.

Испытанием был проход зоны дьюти-фри и предвзлетных кафешек. Вадим почти не глядя закидывал в корзинку раздражающе бессмысленные вещи: духи, игрушки, шоколад, сувениры, магниты. Каждый раз, бывая с ним в дьюти-фри, я начинал сильно сомневаться в умственных способностях коллеги. Покупать весь этот мусор за неадекватные деньги мог только полный дебил. Но Вадим, судя по всем остальным его, из нормальной жизни, поступкам и словам, дебилем не был. Такой вот явный и раздражающий диссонанс. Поэтому я предпочел погромче включить музыку в наушниках и игнорировать происходящее. Зато потом Вадим снова превратился в нормального парня и мы вместе пошли выпивать перед взлетом. В совместных командировках этот момент я любил больше всего. Тут, где небо соприкасалось с землей, возникала какая-то не воспроизводимая ни в каких других условиях искренность.

Я боялся летать. Не настолько, чтобы признаться в этом кому-то еще, но вполне сильно, чтобы признать страх перед самим собой. Пристегивая ремень безопасности в самолетном кресле, я ощущал, что полностью отдаюсь во власть судьбе. От этого вынужденного доверия

на меня нападала исповедальность. Хотелось объяснить что-то про себя, хотя бы и тому, кто, скорее всего, в ближайшие часы сгинет вместе с тобой. Казалось, что высказанное продолжит где-то жить, даже если исчезнут уши, слышавшие твою исповедь.

В последние полгода мы много летали вместе с Вадимом по всему свету, и он внезапно сделался мне кем-то вроде духовника. Что и отталкивающе тяготило, и привязывало к нему одновременно.

До посадки оставалось еще минут сорок. В светлом, парящем над взлетным полем зальчике Jutta Jazz мы устроились возле окна на высоких стульях. Панорамные окна открывали вид на самолеты и стену соседнего терминала. Несмотря на утро, мы выпили. Я рассматривал свое отражение в стекле. «Вовсе не страшный, а просто немного устал», – подбодрил я себя. А вслух произнес:

– Ну что? Как дальше жить будем?

– Чувствую, все будет круто, – ответил Вадим, который считался коммерческим директором Future Vision. – Пора валить! У нас есть супертехнология. Благодаря «Школково» и их гранту мы довели ее до ума. Никто в мире сейчас не умеет с такой скоростью и точностью распознавать жесты. Ну и все, спасибо родине, пришло время поменять порт приписки. Пора показать Борису Максимовичу и его свите вот такой жест, – Вадим покачал рукой, будто прощаясь с кем-то далеким, затерявшимся на взлетной полосе.

– Жест распознан, – механическим голосом рапортовал я и тоже покачал рукой.

Оба засмеялись.

К столику подплыл официант.

– Вам повторить? – с достоинством предложил он.

Мы, не сговариваясь, кивнули.

– Ну правда, – возбужденно заерзал Вадим и, как будто я возражал ему, начал доказывать. – Единственные, кому удалось продать наше решение на отечественном рынке, – производители телевизоров «Богатырь». Кто-нибудь видел живого человека, покупающего телевизор «Богатырь»? Может, технологию купят отечественные Amazon, Google, Facebook, Microsoft-Kinect? Ах да, у нас же нет своих Amazon, Google, Microsoft. Значит, надо идти к настоящим. Если хочешь работать с европейцами, американцами – со всем миром, надо отклеивать с себя ярлычок «from Russia with love», переезжать в Европу, открывать тут фирму и притворяться европейцем.

Повисла пауза.

– Они говорят: «Вы плохо стараетесь, – нарушил молчание Вадим. – Ходите ли вы на лекции менторов? Есть информация, что вы их не посещаете. Поэтому у вас и нет результата». Ну конечно поэтому! Мы ж без этих лекций мышку от клавиатуры не отличим!

Я кивнул. Слушал я эти лекции – более бесполезную трату времени сложно представить. Стоит индюк, нравится себе до дрожи, от важности раздулся, слюной брызжет. И несет не то чтобы полный бред, но какое-то душеспасительное мычание.

Я зачем-то даже конспектировал поначалу:

«Бизнес – это социальный проект».

«Хороший бизнесмен – соль земли».

«Зерно знает, в какое дерево оно вырастет. И яйцо знает, какая птица из него вылупится. Все в природе знает свое предназначение – кроме человека, который сидит и думает: кто я? Дубок? Пшеничка? Про что я? Какое у меня место в жизни? Неважно, каким бизнесом вы занимаетесь, важно уметь делать выводы. Через любую деятельность ты придешь к своей собственной, главное – что-то делать и учиться. Мотивация нужна не из головы, а от сердца».

«Люди делятся на два типа: тех, кто ждет, и тех, кто не ждет. Первые ждут, что их заметят, пригласят, замотивируют. Это крепостные. Вторые действуют сами. В свою команду старайтесь брать вторых».

«Бизнес – это джаз. Что вы знаете о джазе и импровизации?»

«Бизнес – это Олимпиада. Что вы знаете о подготовке спортсменов к Олимпийским играм?»

«Бизнес – это вечеринка. Как вы обычно ведете себя на вечеринке?»

И так далее и тому подобное. Не думал, что так выглядят лекции в «лучшем бизнес-инкубаторе России».

Однажды я не выдержал и спросил:

– Скажите, зачем мы тратим время на эту ерунду? Нельзя ли поближе к практике? Как продавать программное решение иностранным партнерам? Как обходить то, что из-за санкций и «Крымнаш» они не хотят связываться с российскими компаниями? Как работать на внутреннем рынке, если у нас в стране, по сути, только один платежеспособный заказчик – государство, а ему кроме ракет, бомб, пропаганды и других средств поражения ничего не нужно? Это все-таки Технопарк, а не клуб «Спасаем души»!

– Вы живете в двадцать первом веке, – расхохотался ментор. – Вы что, хотите, чтобы я вам дал допотопную инструкцию в духе «вот корова, кормить сюда, потом подергать вот здесь, молочко мешаем-мешаем, пока не загустеет, заворачиваем в бумажку, пишем “маслице”, кладем вот на этот прилавок и обмениваем на деньги»?

– Да, хотелось бы конкретики.

– Когда вы постигнете философию бизнеса, ответы на ваши вопросы сами родятся у вас в голове, – отмахнулся он. И начал раздавать домашние задания. Снова полный бред в духе: «вот вам яблоко, посмотрите на него двадцать минут и запишите идеи, на которые оно вас натолкнет», «найдите ребенка, объясните ему за две минуты, чем вы занимаетесь и чем ваше решение лучше решения конкурентов». Поэтому я и перестал ходить на эти сектантские сборища, выдаваемые за бизнес-лекции. Вадим свалил оттуда еще раньше.

Однако средства школковского гранта стремительно заканчивались и надо было срочно придумать, как жить дальше. За полтора года госфинансирования нам удалось создать продукт и довести его до ума. Оформить на компанию патенты. Решением много интересовались на разных выставках и IT-roadshow, о нем писал техкранч, рассказывали блогеры. Future Vision даже выиграла профильные международные соревнования, на голову обскакав решение от Google. Но технологию никто не покупал. Почему? В этом была какая-то загадка, которую следовало разгадать. То, что говорил Вадим, было очень похоже на правду. А говорил он о том, что двери покупателей и иностранных инвесторов перед нами не распахиваются просто потому, что Future Vision – российская компания.

Наша беседа завяла сама собой. Каждый спрятался за монитором своего ноутбука, дожидаясь приглашения на посадку. Рейс все не объявляли. На столе появились свежие бокалы пива. Чувство, которое отступило на время разговора, снова вернулось – потерянность, сомнение, ощущение себя блефующим неудачником, стыдным и слабым. Еще раз посмотрел на отражение в окне: «Просто страхи». Хотелось снова стать мальчишкой – может, и наивным дурачком, но с горящим и страстным взглядом. С безусловной, все затмевающей верой в себя. Когда-то же я был таким. Точно был.

Я скользнул взглядом по пакетам, развалившимся на соседнем барном стуле. В этих дурацких кулках лежали подарки. Вадим что-то вез каким-то важным и любимым людям. Каким-то женщинам.

Женщины... Мне стукнуло тридцать шесть, и в постели с девушкой я не был уже полгода. Я смотрел на женщин всякий раз, когда проходил мимо них на улице, в офисе, в столовой или в спортзале, но смотрел без желания, осознавая тщетность. Я не раз начинал с женщинами разные истории, с некоторыми даже долго был вместе. С Леной, например, продержался больше двух лет. Но каждый раз обнаруживал, что уже через год отношений я переставал быть собой. Причем каждый раз становился разным не-собой. С одной внезапно делался скупердяем, с

другой – мотом, с третьей начинал пить, с четвертой превращался во вруна, причем обманывал по совершенно бессмысленным поводам (например, мог сказать, что уже смотрел фильм, про который даже не слышал). Благодаря своим женщинам я побывал социопатом и ревнивцем, мозгоедом и веганом. Обнаружив, что опять съехал на какую-то чужую тему, я сбегал.

Переезжая в Литву, можно было заявиться сюда с семьей или любимой девушкой, но я опять был один. Хотя... когда начались разговоры об эмиграции, я уже жил как будто не один, а с мыслью кое о ком, точнее, с воспоминанием.

Открыл Facebook и быстро нашел ее страницу, на которую уже не раз заглядывал за последние недели, не решаясь отправить послание.

Введите сообщение...

«Привет, Флора».

Что еще написать? «Вернись, я все прощу»? Может, эмодзи добавить? С цветами? Или вот это, с ладошкой? Говорят, все в пьяном виде пишут сообщения своим бывшим, и получается легко и естественно – слова сами так и складываются в послание. И вот я как все – пьяный, пишу послание бывшей. Ладно, хватит и просто «привета».

Отправить.

«Привет, Егор».

Ответ прилетел быстро, тут же. Я даже вздрогнул от такой моментальной отзывчивости.

«Давай встретимся?»

«Буду рада увидеться. Давай».

Вот так сразу и просто – «давай». А спросить «зачем»? Удивиться, что я написал после семнадцати лет молчания? Ахнуть изумленно: «Егор, это тыбы?!»

«Отлично. Когда и где тебе будет удобно?»

«Егор, я пока не понимаю, когда у меня будет время. Напишу на днях. У меня новый заказчик и переезд одновременно. Надо чуть-чуть разобраться со всем этим, и я сразу дам тебе знать, как только...»

Деловая какая, ух. Я недоверчиво усмехнулся. Стало беспричинно весело, захотелось немедленно выпить еще. Но тут объявили посадку.

«Буду ждать», – успел написать я, прежде чем закрыл ноутбук.

«Пока».

Как будто с роботом пообщался. Это точно та Флора? Та самая глупышка и кракозябра? Конечно, она удивилась. Просто виду не подает. И удивится еще сильнее, когда узнает, что именно я хочу ей предложить. Перебирая в голове несколько фраз короткой переписки, я на автомате шагал за Вадимом к выходу на посадку. Немного ошарашивала бездумность, правдивость и стремительность всего случившегося. А также то, что я не успел рассказать об этом Вадиму. Традиция предполетной исповеди нарушилась.

На ходу, не глядя, схватил в дьюти-фри плюшевого медведя – нежно-серого, с заплаткой на пузике. Оплатил картой под насмешливым, изумленным взглядом Вадима. И запихнул в рюкзак.

Флора. Новая земля

На следующее утро по пустым воскресным дорогам я покатила в усадьбу. С вещами. Рулила под бравурные марши, с чувством генерала, въезжающего в столицу покоренной страны. Поверить не могла, что это я, с моим фальшивым прошлым и сомнительным настоящим, получила такой невероятный шанс – обустроить одну из самых шикарных усадеб России. Респект мне и уважуха!

Ворота перед моим автомобилем не распахнулись. Пришлось выйти из машины, отдать ключи парню из охраны, а самой отправиться вчерашним маршрутом – через будку. «Не волнуйтесь, я отгоню ее в гараж, а вещи вам доставят прямо в дом, – пояснил парень. – Так положено». Меня как будто не узнали. Паспорт снова рассматривали под микроскопом. Обыски-

вали, одежду прощупывали. И как раз когда все содержимое моей сумочки вытряхнули на стол, телефон тренькнул и экран засветился. В мессенджер упало сообщение, которого я ждала меньше всего на свете. То есть не ждала вообще.

«Привет, Флора». Это писал Егор.

Охранники бесцеремонно, не стовариваясь, дружно уставились на экран телефона. Наверное, если бы они не лупились на меня со всех сторон, я тут же бы напечатала что-то вроде: «Егооор? Это тыыы? Как ты вспомнил обо мне через 17 лет?!» Но поскольку я чувствовала себя как рыба в аквариуме, окруженная юными натуралистами, на такое интимное и неожиданное сообщение хотелось ответить позже. Я сунула айфон в карман.

– Отвечать будете? – кивнул на мой карман офицер.

– Ваше какое дело? – пожала плечами я.

– Да никакого, – обиделся он. – Телефон нужно сдать, получите, когда будете выходить.

И ноутбук тоже.

Я прекрасно помнила, что во время первого приезда у меня забрали айфон. И вернули при выходе. Но теперь-то я приехала надолго! То есть ко мне должны отнестись как к своей и позволить пронести на территорию все, что мне нужно.

– Глупость какая, это же средства производства. Как я, по-вашему, буду выполнять свою работу без мобильного и компьютера?

– Договаривайтесь с хозяевами. Как только они распорядятся, мы все вернем. Но пока это, – он кивнул на гаджеты, – останется здесь. Вам же говорили, что тут запрещено фотографировать, чекиниться и пользоваться социальными сетями. Безопасность.

Я смотрела на экран. Еще одно сообщение – Егор предлагал встретиться. Кончики пальцев похолодели от волнения. Ответила первое, что пришло в голову. Как будто это был не Егор, а какой-то посторонний, типа курьера из интернет-магазина. Торопливо набрала «напишу позднее, когда буду знать свой график», сдала телефон охране и на ватных ногах вошла в усадьбу.

Я приближалась к своему домику очень долго, как будто была не человеком, а камерой, движущейся издалека к невозможному объекту, хотя идти было не больше пары минут. Время было к полудню, но мне казалось, что уже начинает темнеть.

Домик, симпатично выглядевший снаружи, внутри оказался грубовато-казенным, неудобным, и я никак не могла понять, тесный он или просторный. Стены то наваливались, а то вдруг разбегались от меня, и казалось, что до них не дотянуться и не дойти.

Следовало разложить вещи по шкафам. Наверное, стоило переодеться. Но я совершенно не могла оставаться на месте – хотелось двигаться, идти навстречу кому-то и чему-то. И я пошла... Распихала по карманам наплечной сумки прорву незаменимой ерунды вроде баночек, лопаток, рулетки и захватив план участка, отправилась изучать местность.

Усадьба поистине царская: на пятидесяти гектарах правильного, почти прямоугольного участка есть все, чего можно желать от загородной жизни. Перед крыльцом особняка раскинулась небольшая парадная площадь, окруженная цветником, из которого мочалками торчали сухие прошлогодние стебли, и только пыжиковые шапки овсеца голубели среди них. Фасад дома смотрел на просторный луг с прудиком. По мере удаления от дома газон плавно превращался в регулярный садик, натыкавшийся на стену липового боскета. В этом просторном, пока еще не зазеленевшем кабинете спрятались цветники (пыльные и даже местами притоптанные). Красные гравийные дорожки изобретательно и симметрично петляли, сходясь у противоположной стены боскета и ныряя в узкий проход. Тут нарочитая рукотворность внезапно заканчивалась, и дорожки разбегались среди золотистых сосновых стволов, будто весенние ручейки. Все было задумано весьма профессионально, но выглядело запущенным – такое впечатление, что прошлым летом или чуть позже садовник заскучал и махнул на работу рукой. Со стороны

левого крыла дома и въездных ворот участок охраняли сосны, а от правого крыла вдоль всего луга тянулась старая липовая аллея. Ее отделял от домиков обслуги сосновый лесок.

Задняя часть дома смотрела на вишневый сад, голенький и трогательно влажный. Почки уже набухли, как губы, готовые к поцелую. Сад опоясывала мощеная дорожка, к которой, как ключи к связке, цеплялись многочисленные тропинки. Тропинки эти вели в лесную часть усадьбы, удивлявшую и забавлявшую хаотичностью. Здесь на тебя внезапно выскакивала куртина сирени или акации. Посреди леса вдруг возникал боскет, обсаженный разросшимися старыми стриженными деревьями. Симпатичные солнечные полянки, беседки и нетронутые участки леса не спорили между собой. Все увиденное мне нравилось.

Наконец я добрела до самого дальнего края участка. Здесь старая березовая рощица отступала под натиском набирающих силу молодых елей. Угол был не то чтобы совсем заброшенный – видно, что еще пару лет назад за ним весьма тщательно ухаживали: убирали валежник, прореживали молодую поросль, выпиливали старые и больные деревья. Но сейчас там и тут виднелись сломанные ветром ветки и поваленные бело-черные стволы... И прорвавшиеся через многолетние слои преющей листвы пирамидки елочек. Прорезавшаяся дикость.

Я вытащила лопатку, чтобы разгрести жухлую листву и зачерпнуть пробу почвы для исследования кислотности. Внезапно почудилось, что кто-то стоит за высокой, прижавшей к земле мускулистые лапы елью. Там подпрыгнула ветка, посыпался мокрый шорох. Страх, будто глоток горячего чая, отрезвил меня и заставил оцепенеть.

Я оглянулась, но никого не увидела. Присела. Добираясь до почвы, принялась соскабливать влажные, будто спитая заварка, прошлогодние листья и иголки. Слегка покачнувшись, опьяненная сырыми запахами весенней земли, полившимися на меня, как только я склонилась к темной, старой, казавшей войлочной траве.

«Нет, не здесь», – сказал какой-то чужой голос в голове. Я встала, оглянулась, недоумевая – куда мне идти? И тут же поняла куда – впереди забрезжило пятно света. Вышла к аккуратной полянке размером с половину волейбольной площадки. Напыжившиеся елочки плотно обступили ее края, будто очевидцы – место происшествия. А в центре... «Ой!» – не удержалась я и даже, кажется, хихикнула, глядя на то, что громоздилось в центре полянки. Видимо, это замысливалось как альпийская горка. Разномастные камни выстроились друг за другом паровозиком и посемили спиралью от внушительного валуна, в котором мой насмотренный глаз сразу узнал пустотелую конструкцию из искусственного гранита, какой обычно закрывают канализационные люки. Ну какую же убогую фантазию надо иметь, чтобы воткнуть в центр композиции этакую дрянь и дешевку, которую обычно стыдливо прячут по незаметным углам? Расползающаяся улиткиным домиком каменная братия шагала как пьяная. Булыжники разбегались друг от друга и заваливались на бок. Сухие плети «бабушкиных» цветов торчали среди каменюк старыми мочалками. Они соседствовали с модными, «положенными» альпинарию сортами молодил, уже высунувших туповатые мясистые носики из серой паутины прошлогодней травы.

Я подошла к клумбе и вонзила в нее лопатку. Земля здесь оказалась черной, мягкой, удивительно живой. Из нее росла зеленая трава, уже прямая и толстенькая, но еще сохранявшая острие, которым она раздвигала земляную сладкую темноту, еще способная в приливе сил пробиться даже сквозь камень.

«Потрясающее уродство», – не удержалась я от комментария вслух, так распирало меня насмешливое удивление.

Хмыкая, я скоблила клумбу, счищая отжившее и добираясь до сути. «Ш-ш-ш-ш-ш», – внезапно недобро зашелестел на меня лес, встревоженный прохладным дуновением. В очертаниях деревьев и в том, как они наклонялись под ветром, словно пытаясь снять через голову невидимые платья, чудилось что-то человеческое. Меня передернуло. Трусовато, будто застигнутая за воровством, я, не поднимаясь с корточек, оглянулась через плечо. И тонко испуганно

взвизгнула: в лесной тени над темной стеной елочек покачивалось бледное, круглое, потустороннее лицо. Через секунду я поняла, что это Марина. Просто Марина. Всего лишь Марина. Но ужас отпускал не сразу, постепенно, а рука автоматически продолжала скоблить грядку. Мы с Мариной молча смотрели друг друга. Плавно, неуверенно к ее лицу подплыла рука и начала скрести молочную щеку, отливавшую синеватым оттенком.

«Пробы беру», – пояснила я громко, почти криком. Марина кивнула, продолжая водить пальцами по рыхлой щеке.

Вдруг закапал дождь – вначале неторопливо, но с каждой секундой разбегаясь – как лекарство в рюмку. Пронизывающе-холодный, будто на ходу превращающийся в капли из снегопада. Я захихнула совок и пакет с землей в сумку и помчалась в сторону Марины, с разбегу продравшись сквозь строй елок.

Шли целеустремленно, молча. Дырявая крыша веток не спасала от дождя, застилая уши белым шумом. За шиворот лезли мокрые ледяные пальцы. Я оглянулась на Марину – она все еще терзала свою бедную щеку.

– Вы чего? – удивленно спросила я.

Она не сразу поняла, о чем речь. Тогда я взяла ее руку и отвела от лица.

– А, это, – пожала плечами Марина. – Паутину ветром принесло, прилипла – не снимешь.

На щеке, вздрагивающей при каждом шаге, как будто что-то неживое – холодец или тесто, краснела корябина.

Мы молча добежали до моей избушки. Едва шагнули за порог – наткнулись на сумки и чемодан, брошенные прямо у входа. Перешагнули их, будто не видя, скинули мокрые куртки. Марина включила чайник. Укутавшись в пледы, мы устроились с чашками за широким деревянным столом. Я разложила на столе пакеты с пробами почв из разных уголков участка. Мяла землю между пальцами, скатывала в комочки и колбаски, делала пометки. Марина сидела рядом, молча наблюдая за моей работой. Мне нравилось, что она немногословна и не пытается тут же лезть в душу и все выспрашивать. Или наоборот – вываливать на меня какие-то свои истории, чувства и сюжеты. И стоило только мне мысленно порадоваться нашему комфортному молчанию, как Марина поинтересовалась:

– Вам здесь нравится?

– Только через несколько дней можно судить, успешно ли прошла пересадка в новый горшок, – уклонилась я от ответа. – У вас есть духовка?

– Наверняка есть, – неуверенно пожала плечами она.

– То есть лично вам ее видеть не доводилось? – уточнила я. – Что же вы, совсем не готовите, хотя бы для развлечения?

– А какой смысл? Никому это не нужно. Есть профессиональный повар. К тому же Борису Максимовичу очень сложно угодить, – она с интересом наблюдала за тем, как я взбалтываю смесь почвы и воды в склянках, рассматриваю взвесь на просвет и окунаю в нее лакмусовые бумажки. – Знаете, когда мы были помоложе, я, конечно, готовила. Очень старалась. И каждый раз это были невидимые миру слезы и никакой благодарности. Помню, однажды мы с сестрой договорились с мясником на рынке, с огромным трудом достали баранью ногу... Вы застали дефицит?

Я кивнула. Я могла много рассказать о дефиците и детстве, проведенном в очередях, но предпочитала послушать Марину.

– Тащили эту баранью ногу домой, и все бродячие собаки, услышав запах крови, увязались за нами. Я отбивалась от них ногой. Принесли, разузнали особенный рецепт, несколько часов стояли у плиты. Стол накрыли к Бориному возвращению, салфетки. Ужинаем. Я попробовала, и все внутри запело: прямо медовая баранина. Сочная, нежная, ароматная. Такая вкуснятина! Мне хотелось всю эту ногу одной умять. Но я сдерживаюсь, себе кладу маленький кусочек, и сестра тоже – все Боре, чтобы он, значит, лучше наслаждался, распробовал и оценил.

Сидим, сияем, гордимся. Ждем, когда же он хвалить начнет. А он доел, отодвинул тарелку и говорит: «Какой-то специи, по-моему, не хватает. В следующий раз повнимательнее». И уткнулся в газету.

Я помнила, что мне нужно задать Марине какой-то важный вопрос, буквально висящий в воздухе, но он ускользал, и я никак не могла его ухватить.

Флора. Обещания

Вместе с Мариной мы отправились в большой дом искать духовку.

Интерьер подавлял музейной тишиной и помпезностью. Хоромы выглядели еще более неуютно, чем моя избушка. Непомерно высокие потолки в не таких уж просторных залах создавали ощущение колодца. Отовсюду хищно выглядывали двуглавые орлы. Позолота, росписи на стенах. Гигантские пустые вазы приглушенно гудели, отзываясь на шаги посетителей. Наборный паркет пестрел геометрическим и растительным рисунком. Все, что «положено иметь» в статусном особняке.

Через длинную галерею комнат, обставленных почти одинаковыми шелковыми стульчиками и диванчиками, мы добрались до кухни. Почему во всех усадьбах и дворцах делается такое количество однообразных проходных комнат с креселками, как будто их хозяева ничем больше не занимаются, кроме как красиво сидят?

Работники кухни опешили, увидев нас. Но духовку для моих банок уступили.

– Держать пять часов при восьмидесяти градусах, – пояснила я, выставя температуру. – Как остынет, отдать мне.

– Кстати, обед будет готов через пятнадцать минут, – посмотрела на часы Марина. – Покушаете с нами?

Я отметила, что обед тут подают как в английских домах – к пяти вечера. Кроме утреннего бутерброда с сыром я еще не съела ни крошки. Так что предложение оказалось очень кстати. Любопытно, конечно, чем же потчуют у таких важных господ? Я представила себе роскошный царский стол из советских комедий – с лаковыми осетрами, горками черной икры и застенчиво улыбающимся молочным поросенком, из пасти которого кокетливо торчит пучок петрушки. За золотым столом сидели...

– А ваш муж не будет возражать? Ему и на работе приходится видеть кучу посторонних. А тут еще я!

– Да ладно, не скромничайте, – и Марина приобняла меня за талию, будто дуэнья.

Мы вошли в столовую – вполне просторный зал, который, однако, выглядел тесным из-за непропорционально огромного стола, втиснутого в прямоугольник комнаты. Столешница оказалась так велика, что спинки стульев почти примыкали к стенам. Нам накрыли на самом краешке, но не рядом. Мы с Мариной расположились с противоположных сторон этой лакированной плиты, столь широкой, что у нас не было бы ни одного шанса пожать через стол друг другу руки, если бы такое желание вдруг взбрело нам в голову.

Сервировка была все той же – орлы на золоте. Я приготовилась наконец отведать устриц, осетров, омаров, молекулярной кухни, роскошных вин. Но внесли самый заурядный борщ в супнице, картофельное пюре и рыбные котлетки в больших открытых блюдах – как на деревенской свадьбе. Н-да... Хорошо, что не бутерброды из меню «Русские недели в Макдоналдс».

Обед все не начинался – Поленов опаздывал, а без него Марина есть не решалась. Так мы и сидели перед пустыми тарелками, пытаясь вежливо говорить о пустяках. Я посматривала вокруг. Взгляд уткнулся в портрет мужика в латах, висевший во главе стола, по правую руку от меня.

– Нравятся ли вам рыцари? – поймав мой взгляд, спросила Марина с непонятным подтекстом.

– О да! Я в восторге от рыцарей, – ответила я, догадавшись, что хозяева относятся к этой теме серьезно (произведение оказалось единственной картиной на стенах столовой).

Приглядевшись, я заметила, что рыцарь смотрит на меня глазами Бориса Максимовича, и во взгляде его, нарисованном в технике «следающего» портрета, сквозит неуловимое донкихотское безумие. Представила, как буду хохотать, вспоминая этот китч, когда окажусь одна.

– Немножко странно видеть здесь всего один портрет, – не удержалась я от капли ехидства. – Не хватает парного, женского. Ведь тому, кто назвался рыцарем, положено иметь даму сердца. Рыцарь без любви – это все равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души.

Я выразительно перевела взгляд на противоположную, левую стену и осеклась: казалось, прямо под моим взглядом из обоев проступил светлый выцветший прямоугольник – след картины такого же формата и размера, как и та, что висела по правую руку от меня.

Марина обиженно опустила взгляд, насупилась, засопела. Словно потеряв самообладание, она схватила ложку и мстительно принялась швырять себе в тарелку все подряд, не дожидаясь появления мужа за столом.

– Э-э-э... Гмм... Хотя у этого рыцаря такой страстный, влюбленный взгляд, что, в принципе, никаких портретов дамы не нужно. И так очевидно, что она... есть, – я бросилась неловко заглаживать ошибку.

Я старалась поймать взгляд Марины, чтобы понять: достаточно ли уже лить елей? Или надо еще немножко поизвиняться?

– О чем могут болтать две женщины, которых оставили тет-а-тет? – спас меня от пропасти, в которую я летела с ускорением, стремительно вошедший в столовую Борис Максимович. – Думал, вы тут о деле разговариваете, а вы про шуры-муры?

Он с брезгливым осуждением скользнул взглядом по полной тарелке Марины. Она засмушалась и подала знак официанту, чтобы тот убрал испачканную посуду.

– Как раз собирались поговорить о деле, – с благодарностью переключилась я на спасительную тему. – Вас ждали! Мы с Мариной сегодня осмотрели участок, взяли пробы почвы.

– И что же вы увидели?

– Все несколько запущено. Садовник у вас уже примерно год не работает?

Марина и БМ синхронно кивнули. Официант принялся накладывать в тарелки кушанья.

– Отличный участок, с потенциалом. Тут можно воплотить почти любое желание, самые невероятные фантазии. Но чтобы создать проект, в который вы влюбитесь, мне надо узнать вас и ваши ожидания. Для чего нужен сад? Спорт? Отдых? Игры с детьми? Пикники? Романтические свидания? Официальные приемы и балы?

Поленовы смотрели на меня и согласно покачивали головами, как собачки на торпедо автомобиля.

– Да-да, вот это все, что вы перечислили. А что вам особенно понравилось на нашей земле? – поддержал беседу Борис Максимович.

– Здесь есть настоящие бриллианты, которые надо сохранять и подчеркивать. Липовая аллея – истинное сокровище. Ей лет сто, наверное? Что здесь было раньше, какое-то дворянское гнездо?

– Да, а потом пионерлагерь, – кивнул Борис Максимович.

– Великолепен вишневый сад, – продолжила я сыпать комплиментами. – Он молод и полон сил.

– Десять лет назад посадили, – довольно кивнул Борис Максимович.

Марина помалкивала и прислушивалась к разговору с интересом, как будто все, что рассказывает муж, для нее самой – новость.

Я поняла, что пора выдать презентацию себя как ландшафтного дизайнера и некое «вербальное превью» того, как замечательно изменится жизнь сада и Поленовых с моим появлением. Обычно такие застольные беседы с распусканием «павлиньего хвоста» происходят с клиентами непосредственно перед подписанием контракта и в каком-нибудь хорошем ресторане.

– Сосны и ели – это драгоценное достояние участка. Заполучить хвойный участок – невероятная удача. Самые старые деревья на земле – сосны.

(Тут мне очень хотелось пуститься в рассуждения о том, почему самые старые на земле сосны, которым больше пяти тысяч лет, растут в совершенно невыносимых условиях – на холоде, на бедных каменистых горных почвах. Этот вопрос о природе долгожительства – один из любимейших моих топиков для «пьяных застольных бесед», но я держала себя в руках и не свернула на дорожную истоптанную дорожку.)

Я деликатно ждала каких-то реплик от других участников обеда, но и Марина, и Борис Максимович молча жевали. Так что мне пришлось отложить вилку и продолжить выступление.

– Прудик в лесной части – милейший и очень живой, думаю, летом там бурлит жизнь. Концерты лягушек не мешают? – Я опять попыталась придать разговору интерактивности. Безуспешно. – Старый березняк ближе к забору, к сожалению, уже уходящая натура. Скоро рожицу сменит еловый лесок, но это естественно, правильно и славно. Я бы ничего не стала с этим делать, а просто позволила событиям идти своим чередом. Наблюдать, как один вид деревьев вытесняет и сменяет другой, борется за свое место под солнцем, – это по-своему захватывающе. Словом, все, что сделано самой природой – великолепно. А вот ландшафтные решения и садовые объекты здесь очень неровные по уровню профессионализма. Липовые боскеты заслуживают уважения, они тщательно проработаны. А идеи регулярного сада хотя и традиционны, но вторичны. Встречаются откровенно неудачные места. В дальнем углу сада есть нечто очень печальное. Вы, наверное, лет сто там не бывали и не видели, эту, извините, дичайшую могилу, которую там устроил кто-то криворукый.

– Могилу? – переспросил Поленов сильным голосом, словно у него пересохло в горле.

– Да, там, ближе к забору, – кивнула я и начала торопливо пояснять: – Искусственный гранитный пустотел, которым обычно прикрывают канализационные люки, воткнут посреди кучи безродных камней. Такой бездарности вы и на сельском кладбище не найдете. Кроме того, я поражена, что в вашей усадьбе такой наглый, довлеющий забор, как будто тут зона строгого режима. Кто же оставляет его в натуральном виде? Такие служебные сооружения надо маскировать вьющимися растениями.

Я сделала паузу, пораженная тем, что меня все еще не перебивают. Как правило, клиенты гораздо раньше начинают говорить сами, демонстрируя свою погруженность в садово-ландшафтную тему. Они стараются в этот момент показать, что они не лохи, а очень даже разбираются в предмете: ездили по всему миру, смотрели, выбирали, фотографировали... Собственно, презентация меня в эту минуту, как правило, заканчивается, и дальше остается только кивать, соглашаться и запоминать, чего же хотят люди, которые собираются мне заплатить. Потом предстоит повторить их желания своими словами. Но эти заказчики молчали. У Поленова на лице читалось смутное недовольство, как у человека, только что оплатившего покупку товара, не подлежащего возврату (типа трусов или лекарств), и тут же понявшего, что эта вещь ему не нужна. Марина вообще смотрела на меня испуганно округлившимися глазами, будто подавая сигнал, что я говорю что-то совсем не то. И переводила взгляд с меня на мужа.

Я запаниковала и опять стала тараторить, потому что Поленовы все так же молчали, жевали и подозрительно вглядывались мне в лицо.

– Наверное, вы хотите рассказа о будущем? О том, что станет с вашей землей через несколько месяцев, через год, через два? – заглядывала я в лица хозяев. – По-моему, главное, чего не хватает участку – это своей фишки, уникального лица. Пока у меня нет готовых предложений и идей, но в последнее время я много думаю о туманах, камнях и цветном луге. Вы, разумеется, помните рассказ «Золотой луг» Пришвина? Ну тот, где они с братом обнаруживают, что золотой по утрам луг к вечеру делается обычным зеленым, когда цветки одуванчиков закрываются? На самом деле луг ведь может быть не только золотым. Он может каждые две

недели менять цвет. На практике я такого еще никогда не делала, но, мне кажется, это вполне возможно. Технология вроде знаменитого «мавританского газона»...

Тут меня понесло, я провалилась в пучину садоводческих подробностей: про свою давнюю мечту спрятать по всему саду туман-машины, про луг-хамелеон, про естественные и искусственные звуковые эффекты в саду (но не записанные, а живорожденные) и всякие другие глупости, которые мне давно хотелось реализовать, однако до этого момента еще ни разу не подворачивался достаточно богатый и безумный клиент, располагающий участком подходящих размеров и деньгами на все эти эксперименты и фокусы.

Похоже, предложения семейке Поленовых пришлось не по вкусу. Они ни на что не реагировали! Неужели я не угадала их предпочтения? Неужели и они, как и все тут, в Подмосковье, мечтали о «новом Версале» и вилле Вискайя? Мне стало непривычно обидно, что мои идеи не встречают поддержки (хотя обычно мне пофиг). Но сейчас я почему-то очень сильно поверила, что этот проект определит мою судьбу. Позволит создать настоящее имя.

Я выбилась из сил и тоже замолчала. Подали чай, кофе и сладости. Мороженое было растаявшее – хоть какая-то теплота в застолье. Я чувствовала себя раздавленной и пристыженной. От беспомощности хотелось провалиться сквозь землю.

К счастью, обед подошел к концу, и я наконец смогла сбежать в свой домик.

Я чувствовала, что как-то неожиданно облажалась. Что меня завтра же могут выставить и отказать от места. От огорчения я расплакалась. Сквозь слезы шептала, молитвенно складывая руки: «Хоть бы, хоть бы, хоть бы меня не прогнали. Хоть бы, хоть бы, хоть бы этот проект сделала я!»

Так, усталая от слез, не раздеваясь, я и уснула.

Флора. Близость

Я сидела на подоконнике, глядя на открытый чемодан и раздумывая – развешивать одежду или не стоит? Если сегодня меня попросят покинуть усадьбу, придется все складывать обратно. И тут дверь без стука распахнулась. Я оглянулась, ожидая увидеть кого-то из персонала, но – сюрприз! – в комнату вошел сам Борис Максимович.

– Вы? – изумилась я. – И без охраны?!

– Что я, по-вашему, и в туалет с сопровождением хожу? – усмехнулся он.

Я хотела возразить, что мой дом – отнюдь не уборная, но прикусила язык.

– Устраиваетесь? – вместо приветствия произнес БМ. – Вот и хорошо.

Он встал посреди комнаты, заложив большие пальцы рук в передние карманы джинсов, и перекачивался с пяток на мыски. Повернулся к окну, то есть ко мне. Парк за стеклом был залит таким безудержным солнечным светом, что БМ сощурился. «Сейчас он скажет, что они хотят отказаться от моих услуг. Поблагодарит и выставит», – изводилась я и прикидывала, есть ли у меня шансы его переубедить.

– А правда, что все сады мира устроены из тоски по раю и воплощают представления своих владельцев о нем? – спросил Поленов. Сумел удивить.

– Считается, что так, – усмехнулась я с облегчением. И спрыгнула с подоконника. – Китайский рай, например, – это место, где нет перемен. Там ничто не цветет, не меняет окраску и не облетает.

– Люди, которые думают, что рай – это место, вызывают недоумение и зависть, – БМ посмотрел на меня с насмешкой.

– Я хотела бы, чтобы вы тоже в это поверили. И чтобы это произошло здесь.

Поленов в упор смотрел на меня и слегка шевелил бровью – как будто готовился произнести что-то важное и проговаривал текст про себя. Вдруг он шагнул ко мне и нырнул рукой прямо под блузку, в лифчик. Прохлада его крепкой руки заставила меня ошалело ахнуть. И тут же прямо перед глазами возникла его ладонь с божьей коровкой на ногте указательного пальца.

– Смотрите, кто здесь! – он довольно поводил пальцем.

– Уф-ф, – якобы непринужденно усмехнулась я.

– Упала к вам туда, – указывая на вырез блузки, рассмеялся он и сдул коровку с ногтя. Она полетела вглубь комнаты с нежным стрекотом. – Ну вот, сегодня я спас жизнь.

– О, да вы герой! – хмыкнула я, чтобы скрыть смущение.

Щеки мои покраснели, как нагревающиеся конфорки электроплиты, а в ушах нарастал шум. Голова словно превратилась в закипающий чайник. Я отвернулась к окну, чтобы отдышаться, и коснулась пальцами стекла. Оно приятно охладило ладони, возвращая самообладание.

– А чего вы хотите от этого сада? – успокаивая дыхание, произнесла я.

– Просто сделайте так, чтобы мне понравилось, – раздалось в ответ. Голос звучал приглушенно, как через войлок.

Воздух в комнате сделался плотным, сладким и липким, я потянулась к форточке, чтобы ее открыть, но не успела повернуть ручку.

Вдруг по моим ногам пробежал сквозняк, а на глаза упал подол длинной ситцевой юбки, которую задрала властная и быстрая рука. Сквозь цветастую ткань пробивалось яркое солнце, дышать стало еще труднее. Зазвенела пряжка его ремня. Я понимала, что сейчас произойдет. Запах бритья окутал меня, я облокотилась на подоконник. Он звонко шлепнул меня по попе. Было слышно, как он плюнул. Помог себе рукой. И вошел уверенно, как-то даже буднично. Как будто мы уже делали это миллион миллионов раз. Подол юбки колыхался перед глазами и слегка ударял в веки. Снова, снова и снова...

– У тебя классная попа, – похвалил он, когда все закончилось.

Хм... Джентльмен. Что тут скажешь?

– Вы что, больны? – спросила я, в то время как он звякал графином, наливая воды.

Я все еще стояла у окна. Всмотривалась в тянущуюся за окном липовую аллею. Деревья, окутанные зеленой дымкой, дожидались настоящего апрельского тепла. Почки уже набухли и обещали лопнуть со дня на день. Но ночи все еще были холодны, и листочки не рисковали вылупляться на волю. И только одна липа в аллее поторопилась открыть сезон. Зеленое облако вокруг нее было особенно плотным и сочным – ее почки уже прорвались, и наружу выметнулись нежные листочки.

– Болен? – с тревогой переспросил он, протягивая мне стакан воды.

– Ну да, – кивнула я. – И видимо, серьезно.

– Было что-то... – он на секунду взял паузу, подыскивая слово, – странное? Какие-то ощущения?

Я, конечно, хотела сказать ему, что странным было все, что произошло сейчас. Но вместо этого поманила его к окну:

– Идите сюда.

Он подошел, и наши головы оказались рядом, почти соприкоснулись, но БМ даже не повернул ко мне лица.

– Посмотрите на эти липы. Видите ту, которая не такая, как все?

Он быстро углядел среди строя лип ту самую, которую я имела в виду.

– Надо же, какая сильная. Все еще спят, а на этой уже листья, – довольно отметил он.

– Да, она очень спешит. Прямо как вы, – многозначительно посмотрела я. – Но она так торопится не от того, что сил много, а от того, что болеет. Подпорчена, видимо. Я бы не дала ей больше года жизни. Не от силы такая торопливость, а от предсмертной горячности.

– На что это вы намекаете? – БМ раздраженно отшатнулся.

– Ни на что. Просто держу пари, – уверенно кивнула я и протянула руку. – На что будем спорить?

Он молча взял мою руку в свою и сам же разбил пари.

Вышли из домика и направились к дереву. Поленов сосредоточенно смотрел себе под ноги и ни разу не взглянул на меня. А мне хотелось, чтобы он намекнул, что будет дальше. Не словами – это было бы чересчур, я понимала. Хотя бы взглядом.

Пришли. Я оказалась права: в ствол дерева был вбит здоровенный гвоздь, и от него расплзлась сушь.

– Здесь в прошлом году висела мишень для дартса, – вспомнил БМ.

– Липа ранена, как я и говорила, – кивнула я. – И, предчувствуя гибель, стремится жить быстро. Так чем вы болеете, что лезете женщине под юбку безо всяких прелюдий? – повторила я вопрос.

БМ коротко моргнул, кашлянул и торопливо зашагал к особняку.

Я отправилась к себе и начала невозмутимо разбирать чемоданы: перестала сомневаться, что проект – мой. Странно, но в тот момент я совершенно не сожалела о случившемся. Не то чтобы считала это нормальным, но я была довольно взрослой девочкой, и случайный секс уже приключался в моей жизни. И не раз. Я отучилась после каждого подобного эпизода рвать на себе волосы и вести бесполезный внутренний монолог на тему «Как? Зачем? Почему? Что теперь будет?». Дельных ответов на эти «как» и «зачем», когда дело касается секса, все равно не существует. А о том, что будет дальше, я тоже имела представление: ничего. Он станет делать вид, будто ничего не случилось. Ну и я тоже.

Лучше бы я оказалась права и все завершилось бы, как всегда. Но я ошиблась. «Большая дубина набивает большие шишки», – любил говорить Борис Максимович. А БМ был дубиной здоровенной.

Поленов. Божья коровка

Печаль оказалась так внезапна, беспричинна и велика, что справиться с ней можно было, только с головой нырнув в дела. Заслониться заботами. Поленов поднялся по винтовой лестнице на второй этаж и усадил себя за письменный стол.

Кабинет, когда-то с таким вниманием обустроенный и обставленный классической мебелью в английском духе, в последние месяцы его раздражал. Недавно здесь поменяли дверь. Новая, орехового дерева, с пышным названием в духе «венедия роял и что-то там еще», она обнадеживающе выглядела в каталоге. В реальности же угнетала еще пуще, чем прежняя. Письменный стол с зеленым сукном Борис Максимович очень ценил и пока что не решался с ним расстаться. Его просто переставили на новое место. Раньше стол стоял так, что, работая за ним, Поленов мог с удовлетворением и самодовольством обозревать всю комнату – овальный стол для совещаний с блестящей, будто залитой тягучим медом столешницей, добротные книжные шкафы с томами энциклопедий, исторических трудов, фантастики и научпопа, внушительный плоский экран телевизора с оживающим по команде глазком видеокамеры для конференций.

Теперь письменный стол уткнулся в подоконник, а его хозяин сидел спиной к пространству комнаты, созерцая газон. Но и после всех перестановок и переделок глухое раздражение и тоска, настигавшие его в кабинете, никуда не исчезли. И отправляясь работать с документами, он все чаще ловил себя на том, что, угнездившись за рабочим столом, думает не о делах, а о том, как бы еще переустроить кабинет, особняк или даже всю усадьбу, чтобы наконец вернуть себе прежнюю увлеченность службой и жизнью вообще. Ведь были же дни, когда он с удовольствием тонул в документах, предложениях, проектах и частенько далеко за полночь отводил взгляд от монитора, с удивлением обнаруживая, что уже начинало светать. Хотелось вернуть это время. Но и женщины, и работа теперь как будто поблекли. Не хотелось думать, что виною всему возраст. Всего лишь пятьдесят два. Рано. Нет, уже пятьдесят три, честно поправил он себя. Но все равно – рано.

Поленов усилием воли заставил себя включить компьютер, достать папку с подготовленными помощником документами, распахнуть ежедневник.

Раскрытый блокнот требовал что-то немедленно в него записать. Но неотложные мысли, которые Поленов планировал доверить бумаге, входя в кабинет, как будто разбежались, как только он опустился в величественное кожаное кресло. Чистая страница изнывала: испачкай меня, напиши что-нибудь на мне, я хочу быть грязной, я хочу стать твоей. Поленов откинулся на спинку, отодвигая бумаги.

«Что может знать о жизни женщина, которая ходит в грязных ботинках? Почему она так уверенно говорит, что я болен? Но черт знает почему этой – веришь. Вдруг правда что-то такое началось, незаметное? А может, просто одиночество и... совесть? Побаливает... – он на секунду замер, прислушиваясь к себе, как будто сканировал признаки физической муки. – Да, побаливает».

Ползучим, муравьиным почерком записал:

1. Пройти диспансеризацию.

Стало спокойнее. Подчеркнул последнее слово. Стало еще чуть-чуть легче.

Открыл папку. Таблица. Отчет за квартал. Цифры и немного текста в последней колонке. Суммы выданных грантов, краткие описания проектов. Он сразу прыгнул взглядом в ячейку с итоговой суммой. Она его не удивила, значит, все в порядке. Постарался вникнуть в правую колонку с описаниями инновационных проектов, разработка которых теперь благодаря его ведомству поддерживается грантами государства. Обычно это чтение его будоражило.

«Садовница здесь всего второй день, а ее уже как-то слишком много. Она дважды вынудила меня совершить то, чего я делать не собирался».

Революционные микробы, экологично перерабатывающие мусор. Ага. Электронные учебники. Не новость, но пусть. Еще одна база медицинских протоколов (как экспертный совет пропустил? Есть же проект Минздрава, туда бы и слили, подчеркнуть). Опять кибербезопасность, галочка. Ненаркотическое обезболивание, интересно. Интеллектуальная система управления освещением, вчерашний день, подчеркнуть. Еще одна кибербезопасность, галочка. Противораковые средства следующего поколения. Рендеринг трехмерной графики. Система видеонаблюдения и идентификации лиц. Распознавание голоса. Нейронные сети. Еще одна информационная безопасность, галочка...

Поленов посмотрел на подаренную женой статусную перьевую ручку. перевел взгляд на свои пальцы, державшие ее – коротковатые, крепкие, очень ухоженные, с полупрозрачными рыжеватыми волосками на фалангах. И вспомнил божью коровку, которую выловил из декольте садовницы. В тот момент он действительно еще не хотел ничего такого. Божья коровка семенила по его пальцу, нежно перебирая лапками, путаясь в волосках. Вверх. И снова вверх. Как бы он ни переворачивал ладонь, она опять устремлялась к небу. Он залюбовался этой неутомимостью и верностью навек избранному направлению. Мелькнула какая-то хорошая, правильная мысль о работе. И о себе. О том, что все еще возможно, что он еще в силах и даже должен снова пойти вперед, а не кружить и топтаться на одном месте. Между лопатками пробежала шелковая щекотка. И тут садовница сделала шаг, сближаясь. Она почти прижалась к нему, беззащитно, интимно. Флора подставила свой палец. Нет. Не подставила. Она скользнула своими пальцами по его ладони, по какому-то тайному, незащищенному месту, раскрывшемуся, когда он разжал кулак ради божьей коровки. И букашка переползла к ней на тоненький холодный пальчик с простым гладким колечком и как заведенная побежала вверх. Тогда он подставил свой палец к пальцу Флоры. Божья коровка вернулась к Поленову. Добежала до высшей точки и взлетела. И в этот момент он уже знал, что хочет, может и сделает вот это все – странное, порочное, нарушающее все табу. Безответственное. И совершенно необходимое.

В происходящем будоражила бесстыдная упоительность. Представлялось, что садовница – его наложница. Она никуда не сможет уйти. Никому и ни о чем не проболтается. Послушная, бессловесная, трепещущая, почтительная и восхищенная. Оказалось, это сильно искушает –

быть властителем. Повелителем. Злым гением. Он отпустил себя. Завелся даже без виагры, а ведь Флору не назовешь красивой.

Садовница подчинилась его желанию так покорно и охотно, как будто бы уже знала о том, что отныне и навсегда она в его власти. Как будто уже смирилась со своей принадлежностью к этой усадьбе, с беспомощностью и подчиненностью. Хотя ведь он ей еще ничего не сказал... Он еще не произнес ни одного слова о решении, которое они с Мариной приняли вчера вечером. И после, застегивая ремень, и потом, шагая вдоль липовой аллеи, не сказал тоже. Хотя ради этого и шел к ней – чтобы сказать. «Пусть Марина проинформирует, без меня», – решил он, уже поднимаясь по ступенькам особняка.

Но Флора как будто уже все почувствовала и заранее приняла, и одобрила. Так он это ощутил.

Он заставил себя вернуться к правой колонке в таблице. Один из проектов показался интригующим. Он разбудил компьютер, чтобы узнать подробности. Страница загрузилась мгновенно, но на ней оказалось так много букв, что он тут же свернул окно, поставив себе флажок «прочитать позже».

Потом случился какой-то провал, как будто его на несколько минут выключили из мира. Когда он включился, то обнаружил на полях дорогого блокнота нарисованную божью коровку.

– Совершенно невозможно тут работать, – зло прошипел он, нажимая кнопку внутренней связи.

– Да, Борис Максимович, – тут же отозвался энергичный мужской голос.

– Подавайте машину, поедem в «Школково», – скомандовал Поленов, закрывая папку и выключая компьютер. Захлопнул ежедневник.

Тут в дверь боязливо-сбивчиво постучали. Так стучалась только Марина.

– Совершенно невозможно тут работать, – еще раз с раздражением прошептал Борис Максимович, а громко, во весь голос разрешил: – Входи!

Марина приоткрыла дверь, протиснувшись боком в образовавшуюся щель. И замерла, вопросительно уставившись.

– Ну, ты помолчать пришла или что сказать хотела?

– Ты ей сказал?

– Я ее подготовил, так сказать, – очень уверенным тоном уклонился от ответа Борис, хватаясь за портфель. – А ты донесешь подробности.

– А я смогу сказать все правильно, как надо? – засомневалась Марина.

– Даже если не сможешь, об этом не узнает никто, кроме тебя и нее, – усмехнулся Поленов, вставая из-за стола. – Ты представляешь, она хочет устроить здесь рай, из которого не захочется уходить, – глаза его иронично блеснули.

– Ах, не захочется, – протянула Марина и тоже улыбнулась, довольная тем, что на этот раз она поняла его шутку, а еще больше тем, что он шутит для нее.

Они с Борисом улыбались будто заговорщики, как не делали уже очень-очень давно, а может быть, и вообще никогда.

– Ты помнишь про журнал? – спросил Борис.

– Да-да, – отозвалась Марина.

– Если не обмишуришься, то, сама понимаешь, многое изменится, – Поленов подмигнул сразу двумя глазами, как умел только он, будто щелкнул затвором фотоаппарата. Это всегда на людей действовало успокаивающе.

Флора. Безвыходные ситуации все-таки случаются

Есть мимолетная, тающая красота в пространстве, где только что случилась близость. Кажется, воздух все еще дрожит, тени колеблются, тепло тел лениво растекается от места взрыва по всей комнате, радужные круги и пятна плывут перед глазами, будто веки все еще прикрыты. Когда я вернулась, такая красота в доме еще была. Он вдруг преобразился, стал

уютным, радостным, моим. Окситоцин? И тут я вспомнила о Егоре. Нужно, чтобы хозяева скомандовали охране вернуть мне ноутбук и телефон.

– Вам сюда нельзя, – остановил меня охранник, когда я влетела в холл особняка. – Вы можете заходить в дом, только если вас пригласили или вместе с хозяевами.

– Мне срочно нужно поговорить с Борисом Максимовичем. Прямо сейчас, – потребовала я.

Меня усадили в кресло недалеко от входной двери и велели ждать. В холле гулял сквознячок, из-за него все вокруг зябко подрагивало и колыхалось: длиннющие шторы на огромных окнах, моя юбка и витой провод телефона спецсвязи с дисковым набором. Прошло где-то полчаса, прежде чем в дверях появилась... Марина. Она pokrutila головой, оглядываясь в поисках прислуги. И увидев адъютанта, распорядилась: «Принесите черного чаю с зефиром в гостиную. Идемте, Флора».

Марина неспешно плыла сквозь комнаты, попутно проводя пальцами по полочкам и столешницам: проверяла, нет ли на них пыли. Я тащила за ней, раздражаясь ее медлительностью.

Наконец мы дошаркали до громоздких кожаных кресел, выстроившихся полукругом возле камина, выложенного изразцовой плиткой с пестрым этническим рисунком. Устроились около низенького ломберного столика.

– Что стряслось? – разливая чай и сдерживая зевок, поинтересовалась Марина.

– Когда я вчера приехала, охрана забрала у меня ноутбук и телефон. Говорят, что здесь не положено иметь мобильники и компьютеры без особого разрешения хозяев, то есть без вашего. Вы можете распорядиться, чтобы мне вернули мои гаджеты?

Марина зябко поежилась:

– Понимаете, средства связи здесь не положены – информационный карантин. Соображения безопасности. Все оставляют свои мобильники на охране. Даже министры, – последние два слова она прибавила шепотом.

– Но они нужны мне для работы, – спокойно и терпеливо, как несмышленому ребенку, пояснила я.

– Придется придумать, как работать без них, – пожала плечами Марина, тоже включила «интонацию доброй нянюшки» и принялась размеренно объяснять, что информационный карантин в резиденции нужен, чтобы никто отсюда не чекинулся, не публиковал фотографии, а также чтобы нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не сболтнул лишнего про БМ и жизнь в усадьбе. Потому что, увы, были случаи, когда какие-то ничтожные и очень случайные людишки, на короткий срок попадавшие в «святая святых», тут же принимались трепаться на каждом углу, а некоторые даже строчить мемуары.

– Да что у вас тут за тайны?! – воскликнула я. – Вы что, сирот едите, что ли?

– К сожалению, люди используют против нас даже самые невинные сведения, – вздохнула Марина. – Может, слышали про журналистку, которая с Борей однажды жасминового чаю попила, а потом нацарапала целую книгу об этом происшествии, напичканную ее домыслами и фантазиями, да еще и умудрилась сбежать в Лондон как жертва политического режима? – напомнила Марина.

Да, я читала эту книгу, случайно найденную на одном из пустырей, который забрасывала «семенными бомбами». Видимо, не весь тираж пустили под нож, часть просто вывезли на окраину и бросили гнить под дождем. Прочитав эти мемуары, я не нашла в них ничего такого уж порочащего БМ, из-за чего нужно было арестовывать тираж этого опуса. Большая часть рукописи живописала чулки и стройные ноги авторши, а также аромат парфюма, которым она якобы загипнотизировала БМ. Текст компрометировал скорее саму писательницу. Но даже такие порошковые записки нагоняли на жителей властной усадьбы ужас.

– Ясно, – кивнула я, когда Марина закончила свою «политинформацию». – Пока я здесь, я изолирована от коммуникаций. Одного не понимаю: как вы собираетесь контролировать мою болтливость, когда я отсюда выйду? Приставите ко мне надсмотрщика, который будет следить, чтобы я не слила инфу в Сеть? Отрежете пальцы и язык?

– А зачем же вам отсюда выходить? – как будто искренне удивилась Марина и посмотрела ласково-сладко, как росянка на мушку. – Здесь же хорошо, о таком месте можно только мечтать. У вас будет все, что вы захотите – стоит только сделать заказ, и привезут что пожелаете. Вы полюбите это место. Борис Максимович сказал, что вы пообещали устроить здесь не просто сад, а настоящий рай, из которого не захочется уходить. Так создайте же! Вы же профессионал? Собственно, пока вы не создадите такое место, из которого вам самой не захочется уходить, ваша работа не может считаться выполненной, и вы должны оставаться здесь и совершенствовать проект. А когда вы справитесь с задачей – останетесь уже по собственному выбору.

– Та-а-ак, – по-настоящему испугалась я. – То есть... Не-е-ет, этого не может быть... Вы так говорите, будто... меня отсюда не выпустят? – я хотела рассмеяться нелепости своего предположения, но что-то не смеялось.

По всему телу разлилась холодящая немощь. Так всегда случается со мною перед тем, как я услышу очень неприятную новость. Как будто тело успевает считать смысл слов еще до того, как они прозвучат. Рука вдруг сделалась тряпичной, и блестящая фарфоровая чашка полетела на паркет. Марина даже не вздрогнула от звона разбившейся посуды, лишь отвела глаза, и в этом молчании читалось «Да. Да. Да».

– Это заточение? – все еще не верилось, что такое возможно.

Я представила, что месяцы, а может, и годы жизни пройдут вот так – взаперти, в беседах с этой сумасшедшей бабой. В вакууме... Волосы на теле встали дыбом. Еще вчера порхала свободной птичкой из одного сада в другой, а сегодня я – Серая Шейка, запертая в холодной польньке? Жуть!

Я бежала по длинной галерее комнат, лихорадочно распахивая двустворчатые золоченые двери. Створки мрачно хлопали у меня за спиной, будто крылья хищных птиц, преследующих мышку-полевку. Я не знала, что делать, но точно не собиралась сидеть на месте и слушать, как надзирательница зачитывает мне незаслуженный приговор.

Влетела в свой домик. Бросила взгляд на шкаф с платьями. На коробки с обувью. На драгоценные ботанические атласы и альбомы, которые годами собирала по всему свету. И поняла, что сейчас мне не важно ничто из этого. Важна только свобода.

Резко развернулась и помчалась к проходной. Выйти с территории усадьбы можно, только прорвавшись через будку охраны, вписанную в периметр забора. Двери в одной ее стене выходили на участок, а другие – на улицу, в большой мир. Первые двери от вторых отделяла комната с «вертушкой», в которой толклись бравые ребята в форме охраны. Как я успела заметить еще в день приезда, обе двери запирались на магнитные замки.

Я подбежала к проходной, мощно рванула на себя кусок застекленного пластика – так сильно, что сама чуть не улетела под сосну. Дверь неожиданно податливо распахнулась – похоже, она вообще не была заперта. Или ее специально открыли для меня? Внутри будки, раскрыв рот, на меня таранились парни в фуражках. Цель была прямо передо мной – я ловко перемахнула через вертушку, даже не зацепившись за нее юбкой, и побежала ко второй двери, отделявшей меня от свободы. Ударилась о стекло. Дверь не открылась. Тут-то меня и схватили. Я дергалась и кричала какие-то шаблонные фразы:

– Это незаконно! Это лишение свободы! Я буду жаловаться!

Я изворачивалась и кусалась.

– У девушки истерика, нужно помочь ей успокоиться, – услышала я. Перед глазами материализовался шприц, из которого в воздух фонтанчиком вылетели бесцветные пугающие капли.

– Просто укольчик, это не больно. Это для вашего же блага, – сказал кто-то почти ласково. В руку с внутренней стороны локтя будто укусил овод. Все поплыло, сделалось нечетким и исчезло.

Возвращаясь в сознание, я будто выкарабкивалась из глубокой ямы, края которой то и дело осыпались, заваливая меня комьями сырой земли. Картинка не сходилась в фокус. Я почему-то не могла пошевелиться. Голову ломило. Во рту пересохло и страшно хотелось пить. Мутило чудовищно. Я повернула голову влево, чтобы стошнить куда-нибудь рядом с плечом, и увидела желтовато-коричневые потеки на пломбирно-белой простыне. Похоже, что я так делала уже не первый раз. Меня тут же еще раз вырвало. Плечо было испачкано. Я потянулась правой рукой, чтобы сбросить с себя гадость, которую исторгало тело. Но рука не слушалась. С трудом перевела взгляд вниз и поняла, что привязана к кровати. Паника разлилась по телу парализующей заморозкой. Я пребольно укусила себя за плечо и заставила очнуться от коматоза. Где я? Почему привязана?

«Вижу, вам уже лучше?» – раздался справа медовый голос с ноткой превосходства.

Я повернула голову. Рядом в кресле развалилась полноватая женщина с книжкой в руках. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто она и что вообще происходит.

Сегодня Марина выглядела гораздо бодрее, чем вчера. В ней появилось злорадное оживление.

«Очень, очень хорошо, что вы уже пришли в себя, – продолжила она. – А я принесла ваши банки из духовки. Думаю, в них все готово. Если будете умницей, сегодня же расшифруем, что они хотят нам сказать. Правильно? Вы же будете умницей?» – и она протерла мое плечо влажной салфеткой, слегка и лишь на секунду скривившись, но тут же вернула лицу покровительственное выражение.

Я закрыла глаза, надеясь, что когда окончательно приду в себя, кошмар закончится.

«Ну спите, спите, – ласково потрепала она меня по голове, пребольно при этом закрютив ухо. – Поговорим, когда вам будет лучше».

Мне снова хотелось провалиться в забытие и не сталкиваться с реальностью.

Утром я проснулась уже без пут, приковывавших меня к кровати. Стоя под горячим душем, с каждой падающей на голову каплей я наливалась злобой, а значит, и силами.

В большом доме меня приняли буднично, видимо, ждали, и коридорами повели к хозяйке.

«Проходите, пожалуйста», – передо мной приоткрылась тяжелая черная портьера. Я шагнула в темноту.

Марина сидела в кинозале. На экране – Первый канал, увеличенный до размеров блокбастера. Передача «Давай поженимся».

Телевизионный пульт в руках и осоловелый взгляд на недовольном лице – прямо охранник, заканчивающий суточное дежурство, а не гранд-дама в своей вотчине. Меня благоразумно посадили на ряд ниже хозяйки, – так, что я не могла рассмотреть ее лица и видела только припухшее и нервно оживленное лицо ведущей, очень похожее на Марино.

– Вы знали, что если я войду в усадьбу, то уже не выйду отсюда? – оглянувшись, отчеканила я, стараясь говорить как можно спокойнее. Она лишь полувопросительно кивнула, что можно было понять и как «да», и как «продолжайте». – Наверняка знали. И тем не менее позволили себе уничтожить всю мою жизнь. По какому праву?

Я не очень-то надеялась на разумный ответ. Но на всякий случай всматривалась в лицо Марины. Та, от кого я требовала объяснений, вместо слов кокетливо пучила сапфировые глазки и учащенно моргала. Годзилла прикидывалась нашкодившим котеночком.

– Нет, чего вы ожидали? – бессмысленно распаялась я. – Что я кинусь вам на шею с криками: «О-о-о! Марина! Вся моя жизнь была дерьмом и только рядом с вами она наконец обретает смысл?»

– М-м-м, интересная мысль, – как будто даже всерьез ответила она.

– Вы правда настолько не в себе, что считаете, будто ваше унылое сальное общество может заменить кому-то весь мир? – на долю секунды повелась я. – Хотя о чем я спрашиваю? Да вы даже не задумывались о моих стремлениях и мечтах. Захотели – и вырвали меня из моей жизни. Растоптали. Подумаешь, какая-то садовница! Не приживется – да и ну ее в компост, – я резко развернулась, перепрыгнула через ряд и отвесила Марине пощечину: – Старая сволочь!

Ко мне подскочил человек из obsługi и утихомирил, впечатав в кресло.

– Вы, я вижу, уже совсем в форме, силы вернулись, это славно, – усмехнулась хозяйка. – Сейчас вы успокойтесь и поймете, какой роскошный подарок я вам преподнесла.

– С каких это пор тюрьма считается подарком?

– Вы – одинокий и никому не нужный человек. А тут можете обрести практически семью, амбициозный проект и подругу в моем лице. Вы должны целовать вот эти руки! Однажды, я уверена, вы так и сделаете, – абсолютно искренне продолжила хозяйка усадьбы.

– Совсем с глузду съехали! – я сбавила громкость и перестала дергаться, так что охранник посчитал возможным отпустить меня, но все еще держался поблизости, готовый каждую секунду подскочить и нейтрализовать.

– Вы сами признались, что у вас нет ни мужа, ни детей, ни родителей, ни богатства. Никого и ничего! – поморщилась Марина. – Так что не заливайте про свою прекрасную потерянную жизнь.

– Зато у вас муж и богатство. И вижу, вы счастливы до истерики. Что-то без меня, такой разнесчастной, прямо жизни вам нет в ваших кушах!

– Вам здесь будет очень хорошо. Вы создадите свой самый лучший сад. Настоящий рай. И сами не захотите отсюда уходить. Профессионал вы, в конце концов, или где? Или только в фейсбуках писать умеете? – кажется, это я уже слышала. Ага, ага.

– Жирная скотина! Гореть тебе в аду!

– Заканчивайте уже с оскорблениями, заклинило вас, что ли? – Марина вздрогнула и встала. Кажется, сильнее всего ее обидело слово «жирная». – Приступайте к работе. Вам тут не дом отдыха. Думаете, с вами бесконечно будут цацкаться?

Она вышла из зала. А я осталась сидеть и смотреть на матримониальный фарс по Первому каналу.

Флора. Три горошины

Ситуация выглядела безвыходной. Но раскисать я не собиралась – уже случалось попадать в переделки и похуже. Жизнь научила меня никогда не опускать лапки и бороться за себя до конца. Однажды, лет пятнадцать назад, положение мое уже было так отчаянно, что я даже собиралась покончить с собой. Однако, как видите, жива.

Сейчас, когда мне хотелось рыдать, воспоминания о давних событиях придавали сил и внушали надежду, что все еще может как-нибудь чудесным образом разрешиться.

Это произошло в 1997 году, в самом начале моей карьеры ландшафтного дизайнера... Я как раз вернулась со встречи с первыми в моей жизни заказчиками. Вошла в свою комнату на двенадцатом этаже. Ну как «в свою»? Кроме меня в ней жили еще три провинциальные девочки, и принадлежала она столичному пединституту, где я оканчивала второй курс, готовясь в преподавательницы русского языка и литературы. Я метнулась в свой угол, отгороженный книжным шкафом и занавесками.

Подошла к окну и открыла створку. Взобралась на письменный стол, стоявший рядом. Столешница пошатывалась, как бы поторапливая: прыгай скорее. Я «зависла»: всерьез обдумывала, с какой же ноги лучше шагать в небытие – с левой или с правой? День погожий, апрельский, но какой-то лихорадочный, безрадостный. Солнечный свет, резкий, как от проектора, слепил глаза. Снег лишь местами плешивел на коричневых, в месиво изъезженных газонах. Люди в черных куртках и пальто бежали по улице с потертыми полиэтиленовыми

пакетами в руках – хмурые, озабоченные, напряженные, они сталкивались друг с другом и неловко перепрыгивали через грязные лужи. День этот был ужасен. Совершенно очевидно, что дальше может стать только хуже. Подходящий день, чтобы умереть.

Я вглядывалась в унылый, изрытый ямами асфальт, представляя, в каком именно месте упадет и гаденько разлепешится мое тело. И тут обнаружила, что под окном совершилась ужаснейшая банальность – столкнулись два автомобиля. К ним уже примчалась скорая, суетились люди в белых и голубых одеждах. И я ощутила, что сцена безвозвратно испорчена этим чужим несчастьем. Прыгать из окна на стоящую внизу скорую – это уж чересчур позерский поступок. Самоубийство должно быть личным «праздником», и главный герой на этот день полагается один.

Я отвела взгляд от пропасти и лишь теперь увидела на подоконнике лоток из-под маргарина и в нем три зеленых росточка. Третий! Пробился! Это было настоящим чудом. Третий росточек заставил меня прыгнуть с окна, разрыдаться и истерически захохотать, сквозь слезы глядя на тшедушный стебель...

Подождите записывать меня в сумасшедшие. Сейчас я объясню, почему какой-то там проросший горошек заставил меня трепетать от счастья. Все дело в том, что теперь их, проросших, в горшочке было именно три!

Они попали ко мне случайно. «Волшебный горох» – было написано на конверте, внутри которого веселой погремушкой болтались три горошинки. Его мне вручили на рынке как комплимент за покупку зелени. Еще на конверте было написано: «Загадай желание и посади эти горошинки. Если все три взойдут, твое желание сбудется». Конечно, я понимала – это лишь рекламная шуточка, но... у меня было желание! И не одно! Прямо скажем, единственное, что у меня тогда имелось, – это желания. А еще зачаточное образование и первая всепоглощающая платоническая влюбленность. Ни денег, ни жилья, ни работы, ни мужика, ни перспектив.

Я побросала горошинки в пластмассовый лоток из-под маргарина Rama, наполненный землей, и выставила драгоценность на подоконник. Принялась следить за посадками с той неистовостью, с которой только и можно схватиться за последнюю бессмысленную надежду. Горошинки оказались насмешницами: из земли проклюнулись лишь два росточка. Третий же совершенно не хотел высовываться!

Соседки тоже то и дело как бы невзначай заглядывали в мой выгороженный угол и всматривались в лоточек из-под Rama, но ничего не говорили. Не хотели выносить окончательный вердикт: обломайся! Потому что все жительницы нашей комнаты отличались повышенной деликатностью. Например, если кто-то из четырех привозил из дома настоящие продукты и принимался варить курицу, жарить картошечку или (неслыханно!) котлетки, то все остальные очень вежливо и предусмотрительно выходили в коридор и садились у окна курить, уткнувшись в бессмертные литературные произведения. И возвращались к себе минут через сорок, когда запах еды успевал выветриться: кулинарка дня учтиво проветривала помещение, закончив трапезу.

Все остальное время мы ели одно и то же: рис с маргарином, гречку с маргарином, макароны с маргарином. Мясо, фрукты, настоящее сливочное масло и сладости были нам не по карману.

Мама рассказывала, что в годы ее молодости, когда она училась в пединституте, девочки в общежитии тоже привозили из дома продукты. Но тогда они все садились за общий стол и съедали припасы коллективно. В наше время так поступать уже было не принято. Но зато было принято деликатно отворачиваться как от чужих пиршеств, так и от чужих катастроф.

Что же за желание я загадала, сея горох? Наверное, более трезвомыслящий и взрослый человек на моем месте пожелал бы что-нибудь вроде достатка или даже богатства (ведь я была так бедна, что порой приходилось воровать еду в супермаркете, просто чтобы не падать в голодные обмороки). Но мне было всего восемнадцать и больше, чем хлеба, хотелось любви. Вза-

имной. Половина задачи была решена: сама я уже вторилась в офигенно красивого парня с длинными музыкальными пальцами, бесконечно добрыми глазами и постоянной тихой улыбкой на лице. Не то чтобы ему все нравилось – просто его ничто не возмущало. Такая спокойная понимающая улыбка бывает у очень сильных и надежных людей, которые знают, что справятся со всем, что бы ни случилось. Если бы рядом оказались подсолнухи, то они крутили бы головками, следуя за ним, а не за солнцем. Еще у Егора были длинные, как у девчонки, ресницы. И я загадала: «Чтобы он признался мне в любви».

В этой мечте, вообще-то, не было ничего сверхъестественного. Я чувствовала, что нравлюсь ему. Мы подолгу болтали, ходили на каток. Он играл для меня на гитаре. А однажды снял со стены кафешки картину, которая мне понравилась, выкупил и подарил. И если влюбляться, то именно в такого: умного, яркого, сильного и доброго, чистого.

Проблема была одна: я невероятно его стеснялась. Не знаю, чего было больше в этой парализующей застенчивости: нормальной девичьей неопытности и скромности или же отвратительной стыдливости нищенки. Не то чтобы он был богат. Отнюдь. Но все-таки гораздо более благополучен, чем я. Он считал себя «на мели», когда не мог купить пакет травки к вечеринке. А я – когда перескакивала через турникеты в метро, чтобы не платить за проезд, и дня по два ничего не ела. Такой сюжет с материальным неравенством в моей жизни появился в первый раз. Никогда прежде я не чувствовала себя заметно беднее, чем кто-то. В нашей деревне у всех был примерно один уровень жизни. Невысокий, но это не унижало – ведь так жили все. Богачи и богатство казались выдумкой, пережитком из дореволюционных романов.

И вот теперь я не знала, как общаться с тем, кто обеспечен чуть лучше, чем я. Про романы между парнями с достатком и бесприданницами я читала у классиков и видела в кино. Все эти истории плохо заканчивались, а девушки в мезальянсах выглядели крайне удручающе и уязвленно – взять хоть «Бедную Лизу», «Униженных и оскорбленных» или популярный тогда сериал «Богатые тоже плачут». Опасно для простушки связываться с барчуком. Поэтому меня в отношениях с Егором метало от жаркой, щенячьей открытости к ледяному «безразличному достоинству». То я часами смотрела ему в глаза, болтая ни о чем, то пропадала на недели и игнорировала его записки.

Когда в моих грезах Егор стаскивал с меня юбку, я всегда, даже в мечтах, начинала судорожно закрываться руками, пытаюсь скрыть многочисленные стрелки на колготках, прихваченные лаком для ногтей.

Хотелось, чтобы исчезло все то наносное убожество, которое навалилось на меня из-за нищеты. И чтобы однажды он увидел меня равной. Такой, какой я на самом деле была. А не жалкой голодной девицей в рваных колготах с ободранной дерматиновой сумкой, прыгающей через турникеты, которая ни разу не бывала на рок-концерте и не имела денег поставить в зуб пломбу.

Мне хотелось хоть раз показаться в нормальной одежде, сытой и расслабленно-уверенной. А не напряженно-затравленной, как я выглядела девяносто процентов времени. Я знала, что эта капля уверенности в себе решит дело. Но как ее получить? Тут без чуда не обойтись – здравствуйте, три горошины!

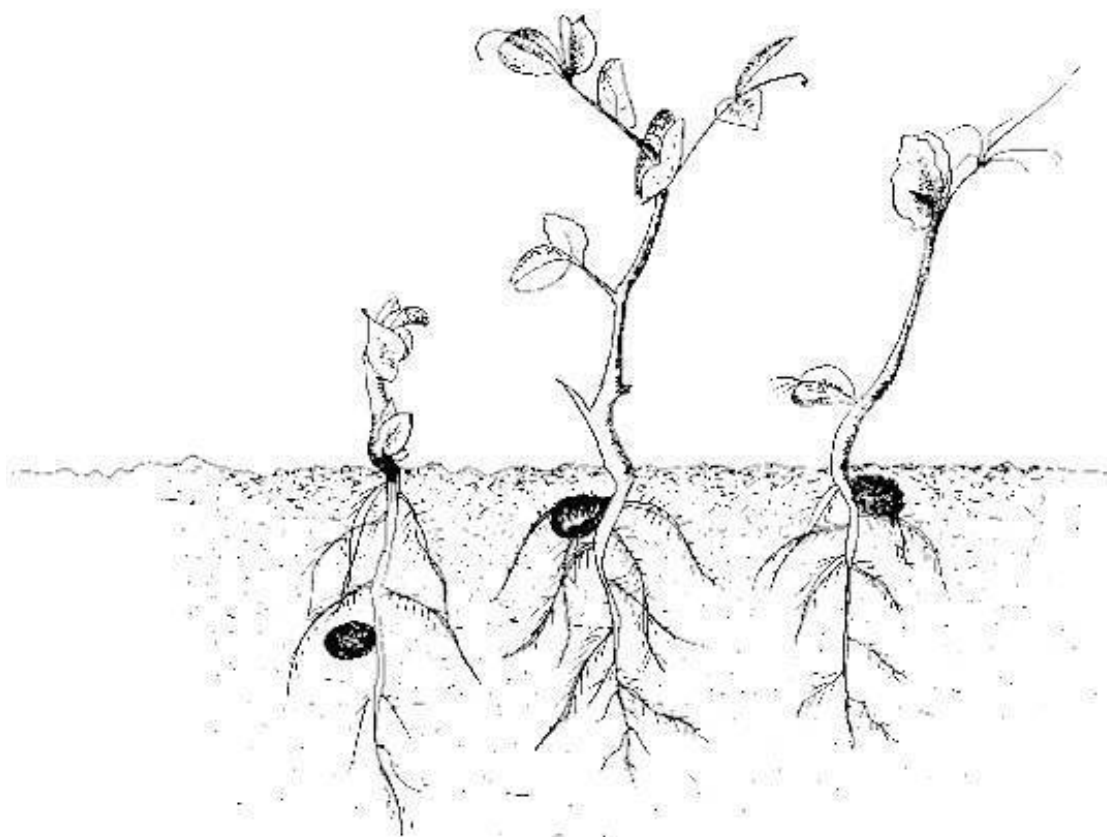
Я ждала. Поливала все три. И ту негодяйку, которая не хотела всходить, тоже. Но когда у двух первенцев уже зеленело по четвертому листочку, я поняла, что на третьего нет никакой надежды. От безысходности я раскопала эту подлую горошину. И тут же поняла, что в неудаче виновата сама. Убогая горошинка оказалась вполне сильной и старательной: из нее тоже, как и из двух других, вылупился росточек. Но при посадке я закопала несчастную так глубоко, что росток не смог пробиться к поверхности. Он погиб под слоем земли и теперь был совершенно высохшим, коричневым, скукожившимся. Как я могла так опростоволоситься? Я, которая все детство провела, копаясь в огороде, и посеяла не одну грядку этого проклятущего гороха? Я

брезгливо бросила гадкую горошину назад в горшочек и вообще забыла про этот бессмысленный эксперимент. Перестала поливать эту унылую дрянь и вспоминать о ней.

Ирония заключалась в том, что в день, когда я встала на подоконник, третья горошина стала ростком и загаданное мною желание действительно исполнилось: утром Егор признался мне в любви. Но после этого произошло еще кое-что, и теперь я точно знала, что мы никогда. Никогда. Никогда. Никогда не будем вместе. Чтобы выжить, мне придется вытравить из себя всю нежность. Сентиментальность. Наивность. Я смотрела на три горошины и истерически смеялась, но уже почти не отчаивалась. Жить можно и без Егора. И без любви. И без идеальных фантазий. Ну хотя бы выживать.

Когда принимаешь твердое решение жить, окружающий мир быстро смиряется с этим желанием и перестает испытывать на прочность. Да и ты пересташь разбрасываться ресурсами и становишься очень цепкой.

Дефективная горошинка каким-то чудом собралась с силами и все-таки вытолкала на поверхность росток. И какой мощный! За неделю он догнал своих более удачливых товарищей. Из него бодро выпростались три зеленых листочка. Горе-горошек яростно возвращался из небытия, азартно наверстывая упущенное.

Первые две горошины как будто знали, что у них огромная жизненная фора и бравовировали своим избытком сил и времени: вальяжно обросли многочисленными усиками, на манер французских париков свисавшими среди сочных, похожих на сердечки листиков. Хватунишки тянулись нежными пружинками во все стороны света, а также вниз и вверх. Горошки

уже путались в своих усищах, гнулись под их тяжестью, но... никак не могли захватить щупальцами пруттик, воткнутый мною в землю рядышком для их поддержки. В это время несчастливый росток выбросил всего пару аккуратных и очень разумных завитков, которыми сразу уцепился за спасительную вертикаль и старательно ее обвил. Подтягиваясь на опоре, он принялся уверенно карабкаться вверх. Смешнее всего, что полноценные горошки так и не нащупали предложенную опору и в итоге повисли на младшем братце. Он великодушно подставил им плечо.

Я решила брать пример с этого горошка. И пока девушки благополучнее искали неземную любовь, долго раздумывая над призванием, дарованиями, смыслом жизни и высокими целями, и воротили нос от недостойных занятий и сомнительных предприятий, я цепко схватилась за первый же шанс (а он вскоре представился). Точно так же я собиралась действовать и сейчас – решительно и собранно.

Егор. Человек без амнезии

Впервые я встретил Флору в сентябре девяносто шестого. Она тащила от автобусной остановки огромный арбуз, который явно был не для ее весовой категории. Амбициозный муравьишка, схвативший ношу не по силам. Я предложил помочь. Она обрадованно закивала и тут же без разговоров пихнула мне свою ношу. Я крикнул, обхватив этот арбуз.

– Ого! Килограммов десять?

– Двенадцать, – гордо отозвалась она, тряся руками, чтобы сбросить с них напряжение.

Она так энергично махала, что казалось, сейчас улетит.

– У тебя хороший аппетит...

– Это нам на всех. На четверых. А теперь, наверное, уже на пятерых, да? – она подмигнула, крутанулась на массивных каблуках и прытко побежала вперед, не оглядываясь. Я потащился следом, примагниченный ее виляющей попкой в обтягивающей мини-юбке.

Оказалось, что все четыре едока арбуза – девчонки, студентки пединститута. При моем появлении они обрадовались и бросились кокетничать. Арбуз был сладким. Девчонки – смешливыми. Я смотрел только на Флору: безумные голубые глазищи. Поразились, насколько быстро, но аккуратно она ела. Неутоленная жажда, сила и страсть. Да, в ней была страсть... Я сидел и думал: ты сейчас в общаге у телок. Тут сотни баб, сотни. Что же ты смотришь на одну?

И вот спустя семнадцать лет я снова, как тогдашний пацан, спрашивал себя: вокруг сотни, тысячи баб, что же ты думаешь только об одной? Вопрос риторический, я знал ответ: потому что она задорная, храбрая, сексуальная и потому что с ней я был собой. Рядом с Флорой хотелось как-то ярко, вкусно и неординарно жить, а не просто переваливаться из одного дня в другой. Обиднее всего было, что она, похоже, совершенно обо мне не думала.

Серенький медвежонок со смешной заплаткой на пузе уже почти неделю торчал на моем рабочем столе. В холодно-стеклянном, просторном офисе Future Vision он выглядел слишком маленьким, потерянным – как Паддингтон на вокзале. Его хотелось поскорее пристроить в теплые, любящие руки. Ну или просто выпихнуть отсюда.

В первый день по прилете в медвежонке еще сохранялся вдохновляющий импульс. Тогда я проверял мессенджер всего лишь пару раз в день. Стрелка на барометре настроения (есть ли такой? может, изобрести?) указывала на «радостно-возбужденное». Но сообщений от Флоры не было.

На третий день молчания я проверял мессенджер уже два раза в час. Медвежонок начал выглядеть сиротливо и слегка подбешивать. Но мне все еще хватало терпения и самоуважения, чтобы не опускаться до сообщения-напоминалки «Флора, ау! Так что там насчет встречи?» По правде, я уже пару раз набрал в окошке мессенджера такое сообщение, но оба раза догадался стереть и гордо вернуться к работе.

Дел было по горло: операция «Переезд в Европу» оказалась чуть сложнее, чем просто запереть офис, собрать чемодан и сесть в самолет. Все эти дни мы с Вадимом провели, обща-

ясь с юристами и обсуждая, как уехать в Вильнюс не только с чемоданами, но и с патентами и всеми технологическими разработками, которые считали своими. Однако юридически все это богатство принадлежало не совсем нам. Нематериальные активы, которые мы хотели вывезти, были созданы на школковский грант и оформлены на компанию Future Vision – резидента Технопарка. По грантовому договору компания ни при каких условиях не имела права передать или продать кому-то патенты, даже нам – тем, чьи мозги все это придумали. Государство спонсировало интеллектуальный банкет, подарило полтора года беззаботной жизни, когда мы с парнями могли заниматься только разработкой алгоритма и не заботиться о деньгах. Теперь страна справедливо ожидала, что Future Vision начнет успешно торговать своим интеллектуальным продуктом, а в бюджет государства рекой потекут налоги.

После дорогостоящих консультаций с юристами способ хакнуть «Школково» и государство в конце концов нашелся. Путь вырисовывался рискованный, извилистый и очень небыстрый. Выходило, что свалить получится не раньше середины осени. Я как-то враз сдулся от такой перспективы, но и успокоился. Получалось, что никакой спешки нет. Можно ждать ответа от Флоры сколько угодно, но ожидание становилось все более мучительным.

Чем же это таким важным и безотлагательным она занята, что не может написать мне пару строк? За ответом на свой вопрос я зашел на страницу Флоры на Facebook в надежде, что она опубликовала там сообщение, объясняющее молчание (адресованное не мне напрямую, а как бы всем, но на самом деле – именно для меня и предназначенное). Однако новых публикаций на ее странице не появлялось, хотя прежде она строчила регулярно – не меньше одного поста в день. Это раздражало и интриговало одновременно. В голове поселились два персонажа – оптимист и реалист, и каждый из них по очереди захватывал пульт управления.

Реалист: «Она нарочно включила “молчанку”, чтобы нервировать меня, заставить бегать за ней и унижаться».

Оптимист: «Она очень занята. Или сломался компьютер. Или в командировке в таком месте, где нет интернета».

Реалист: «Она, наверное, мое предложение встретиться восприняла, как будто я навязываюсь. Навязчивым быть не хочется. Если я ей не нужен, то на фиг она мне сдалась?»

Оптимист: «Может, заболела?»

Занес страницу Флоры на Facebook в «закладки».

Заходил туда практически каждый день. Меня самого это уже немного беспокоило. Как ни открою Facebook – первым делом к ней на страницу. Зачем? Посмотреть, что у нее нового. Кого она добавила в друзья. Кстати, никого за эти дни. Просмотрел всех ее френдов мужского пола. При взгляде на каждого сверлила мысль: что у них там? Просто общаются в сети? Или это ее парень? Виделись ли они в реальной жизни, или общаются только здесь? Один поклонник каждый день писал ей что-то на стене, какие-то цветочки публиковал в комментариях к старым постам. Но с ним, сразу ясно, ничего не было. Иначе бы он не делал таких глупостей.

Дошло до того, что я подписался на все паблики и группы, на которые подписана Флора – вдруг там что-то прокомментирует? Но она молчала. Однажды в сумеречном сбое рассудка я сам целую ночь комментировал все посты подряд в ее любимых группах – хотелось, чтобы мои комменты попались ей на глаза и она прочухала, что надо ответить. Видимо, не попались.

Это уже напоминало болезнь. Иногда я загружал браузер, чтобы посмотреть прогноз погоды, а вместо этого на автомате щелк-щелк мышкой – и уже на ее странице. И только потом спохватывался, что я к ней зашел, хотя делать этого не собирался.

Удалил закладку. Не помогло – просто стал тратить больше времени, чтобы выйти на ее страницу. Вернул закладку. «Что же я за тряпка такая? Что за проблема у меня с головой? – разговаривал я сам с собой. – Как мне, человеку без амнезии, забыть девушку из прошлого? Как убедить себя в том, что надежды нет, когда внутри надежда есть?»

В конце апреля думал вообще удалиться из Facebook. Зашел, и тут – бац, сообщение от самой соцсети: поздравляем вас с праздником Пасхи. Праздник. Меня осенило: решил пока не удаляться, а разослал всем китчевую флеш-открытку. И ей – как всем. Все написали «спасибо», а она не ответила вообще ни-че-го. И тут я окончательно понял, что это ненормально даже для прожженной манипуляторши (какой, я надеялся, она все же не стала). Зашел в чат и увидел, что она даже не открыла сообщение. Не получила его.

Тут я понял: с Флорой что-то случилось. Плохое. Опасное. Мозг, до этого плававший в каком-то густом бульоне одних и тех же мыслей и переживаний, сразу же ухватился за упавшую в редмайн конкретную задачу, включился на высоких оборотах. Стало предельно ясно, что делать: надо просто поискать Флору, понять, где она находится физически. И пока я ее не нашел, можно больше не думать о том, как она ко мне относится и что вообще вытворяет. Я вытащил геометки из фотографий последнего сада, над которым она работала, нашел это место на карте и решил поехать туда.

Поленов. Интервью

Воробьишка суетливо скакал по доскам террасы, простукивая их клювиком, – искал хлебные крошки. Потом осмелел и начал вспархивать на стол и на подлокотники кресел. Казалось, того и гляди запрыгнет прямо на голову Поленову, или журналистке, которая старательно зачитывала по бумажке заранее подготовленные вопросы, или Марине, сидевшей чуть в стороне с чашкой чая в руках. Интервью проходило протокольно, официально, почти сонно. Корреспондентка держалась почтительно и лояльно. Задавала правильные вопросы и старательно избегала неправильных. Воробей обнаглел до того, что ухватил с тарелки крекер и попытался упорхнуть вместе с ним. Выронил. Попытался снова, мотая головой и отчаянно взмахивая крыльями. Поленов не выдержал, протянул руку, чтобы раскрошить крекер для птицы. Воробей испуганно отскочил, но не улетел. Наклонил голову, наблюдая и готовясь в любой момент сорваться с места. Стоило убрать руку, как он набросился на раскрошенное печенье и за секунды склевал его полностью. Расселся, выпятив грудь, на краю стола и выронил из-под хвоста коричнево-белую кляксу. Бровь Поленова на мгновение поползла вверх, он тут же отвел взгляд и сосредоточил внимание на корреспондентах.

Поленов не любил интервью и давал их только в случае крайней необходимости. Сейчас такая необходимость была. Нужно отправить сигнал на Запад, инвесторам и ученым: со «Школково» все в порядке, несмотря на внешнеполитическую свистопляску. Выдающиеся умы со всего мира по-прежнему тут, в России, изобретают, творят и создают будущее. Ради этого месседжа Борис Максимович и согласился поговорить с серьезным международным журналом, издававшимся в России по франшизе. Статью обещали перепечатать также зарубежные редакции издания.

Поленов ожидал, что на интервью приедет главный редактор Баскаков, человек ему хорошо знакомый и имевший репутацию интеллектуала, сибарита и серьезного аналитика. Они частенько встречались на приемах и в общем уважали друг друга.

Однако войдя в гостиную, Поленов увидел вместо главреда странную парочку – парня в пиджаке, надетом поверх мятой футболки, и девушку, лицо которой плотно, как бутерброд маслом, было покрыто слоем косметики. Борис Максимович не сразу понял, что они и есть журналисты знаменитого издания.

– Виталик, это что за фуффло? – прошипел Поленов пресс-секретарю, тихому и блеклому, будто из оконной замазки сделанному человеку. – Где Баскаков?

– Главред в последний момент сделал замену. Сказал, что если придет он сам, то не сможет не задать вопрос про землю, его не поймут, – ответил Виталик сухим шепотом. – Нам же не нужны вопросы про землю?

Марина, вошедшая в комнату вместе с мужем, застыла на пороге, не увидев здесь человека, фотографию и тексты которого изучала несколько последних дней и на которого должна

была произвести располагающее впечатление. «Здравствуйте», – поздоровалась она со всеми и ни с кем.

Поленов разочарованно поморщился. Еще раз скользнул взглядом по журналистам – нет, приветствовать этих гостей так, как Марина должна была встретить Баскакова, – не по рангу. Он взял жену за руку и решительно провел мимо корреспондентов на балкон, где уже все было подготовлено для беседы и фотосъемки. Устроил ее в кресле чуть в стороне: «Твое выступление отменяется, просто сидишь и любишь меня. Как трепетная жена. Задача ясна?» Марина кивнула.

Поленов отвечал, почти не задумываясь: темы были все привычные, затверженные, как детская считалка. Взъерошенный фотограф медленно, с грацией цапли переставлял длинные ноги, делая выпады то вправо, то влево, приседая, вскакивая и вытягиваясь на цыпочках. Затвор щелкал беспрестанно, даже когда совершенно ничего не происходило и мизансцена ни на микрон не менялась. Звук раздражал. И вдруг среди этого навязчивого цикадного треска и заунывного бормотания интервьюерши прозвучал вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.